

Александр ГРОЙСМАН

1. ЗАПИСКИ ТЮРЕМНОГО ЭЛЕКТРИКА. НЬЮ-ЙОРК

2. Третий рельс

(Заметки о работе в нью-йоркском метро)

Александр Гройсман родился в 1946 году в Красноярском крае. Провел детство и окончил школу в городе Черновцы на Западной Украине. Выпускник физического факультета Новосибирского университета.

Работал старшим научным сотрудником в Институте физико-технических проблем Севера Якутского филиала Академии наук. Кандидат технических наук. Автор двух научных монографий. Был председателем Общества еврейской культуры в Якутске. В Тель-Авиве и в Якутске опубликована его книга "Евреи в Якутии". В 1994 году эмигрировал в США, где работал научным сотрудником в Политехническом институте Бруклина. В последнее время - электрик в Департаменте исправительных работ.

ЗАПИСКИ ТЮРЕМНОГО ЭЛЕКТРИКА. НЬЮ-ЙОРК

В тюрьме

Я работаю электриком в тюрьме. А сама тюрьма, вернее целый комплекс тюремных и административных зданий, расположена на небольшом острове в центре большого Нью-Йорка. Работаю я в одной из этих тюрем на Острове. Да и наша тюрьма, в свою очередь, тоже сложное переплетение строящихся в разное время и достраивающихся друг к другу зданий с внутренними дворами и сложной системой коридоров, в которых можно заблудиться. С крыши самого высокого здания в нашей тюрьме, называемого "Башней" хорошо видны все города Большого Нью-Йорка: Бруклин, Квинс, Бронкс, где-то в дымке Стэтен-Айленд, и силуэт небоскребов Манхэттена.

Каждое утро пересекаю охраняемый мост, оставляю машину на служебной стоянке, и внутренним автобусом, набитым полицейскими, среди которых и мы - штатские, добираюсь до своей тюрьмы.

Мы проезжаем мимо старинных чугунных пушек, колокола - копии филаделфийского колокола свободы, старой церкви и многочисленных мачт с развевающимися американскими государственными флагами...

Вот и наша тюрьма, окруженная двойным металлическим сетчатым забором со спиральной проволокой с острыми металлическими шипами поверх забора. Перед входом в тюрьму на площадке надпись "Добро пожаловать". Непонятно только, к кому это относится - к работникам или заключенным. На стене цитата из Достоевского: "The degree of civilization in a society can be judged by entering its prisons". Feodor Dostoevski. 1861

А прямо над входной дверью в колючей проволоке, ограждающей козырек крыши, запутался крупный альбатрос. Бедняга попал в колючку и не смог выбраться. Он еще трепыхается, кровь капает на асфальт, а полицейские смеются:

- "Цыпленок на обед!"

На входе в тюрьму полицейские сдают оружие, мы все проходим через магнитную рамку, а наши сумки проверяются рентгеном, как в аэропортах.

Но, конечно, магнитная рамка непрерывно звенит, и капитан требует у каждого входящего снять часы, ремень...

- "А все, что приносите с собой, лучше помешайте в прозрачный полиэтиленовый пакет!"

- "А может мне самой одеться в прозрачную одежду", - заорала какая-то доведенная до бешенства дама.

- "Нет, нет!" - испугался, глядя на нее, капитан. И я понимаю его страх. С одной стороны, дама уродлива. А с другой, ему грозит страшное обвинение в сексуальном приставании. Меня перед работой, как новичка, отправили на лекции в Полицейскую академию. Среди прочих занятий был и урок на тему "Sexual Harassment" (сексуальные приставания). Вела урок молодая дама, полицейский офицер, очень строгого вида. В классе было несколько молодых девиц и одна молодящаяся бойкая дама лет пятидесяти по имени Донна... Преподаватель рассказывала о разных ситуациях.

- "Например, должны ли вы оскорбиться и пожаловаться начальству, если на вас пристально долго смотрит лицо противоположного пола?" Мы все скромно усталились в пол, а Донна игриво заорала:- "На меня давно уже никто пристально не смотрит, я бы только обрадовалась!" Молодые девицы захихикали и чуть не сорвали урок. Офицер на них шикнула и привела пример из жизни: - "Одна секретарша была принуждена жить со своим начальником. Всего таких встреч с боссом было более пятидесяти в течение трех месяцев. Может ли она подать на него в суд?" Но опять вмешалась Донна, заявив, что секретарше, может, повезло, что лучше хоть кто-нибудь, чем никого, и, вообще, а может это любовь... Женщин среди полицейских, похоже, больше половины. Странно видеть, как эти женщины, которые часто много меньше громил-уголовников, ведут по коридору зека, цепко держа его своей лапкой за локоть.

Мы благополучно проходим контроль, и теперь, чтобы попасть в свою мастерскую, надо пройти через ряд постов и открывающихся перед тобой и закрывающихся за тобой железных ворот-решеток. Но вот я, наконец, в комнате для электриков. Это небольшая

комната без окон, захлавленная катушками с проводами, трубами, полуразобранном оборудовании, электродеталиями...

В центре комнаты - большой стол, вроде обеденного, заваленный журналами. За ним - одутловатый пятидесятилетний мужчина Тони Пикорелли. У дальней стены - стол-верстак, на котором гора электрооборудования. За верстаком невысокий элегантный смуглый человек с усиками, лет шестидесяти - Хозе Гонзалес. В противоположном углу, за пустым письменным столом - сухощавый чернокожий Гордон Робертс. Гордон, как и Тони, среднего роста. Он не намного младше Хозе. После недавней операции на сердце у него слегка трясутся руки. Тони - коренной американец итальянского происхождения. Хозе - эмигрант из Пуэрто-Рико с индейскими корнями, его родной язык испанский и он плохо говорит по-английски. А Гордон - эмигрант из Гайаны. Четвертый в этой группе я - эмигрант из России.

Я появился в этой группе недавно и как новичок занимаю стол у входной двери. На противоположной стороне от меня - кухонный столик с кофеваркой, тостером, микроволновой печью, рядом холодильник.

Задача нашей мастерской - поддерживать в порядке все хозяйство нашего большого комплекса, и если что-то не в порядке - мы идем этот беспорядок устранять. То есть работаем по вызовам. Все мои три электрика ревниво следят за работой друг друга. Каждый уверен, что только он настоящий электрик, а остальные самозванцы.

Но при этом Хозе берется за любую работу, работает в бешеном темпе и не успокаивается, пока работа не будет закончена. У него огромный опыт по монтажу электропроводки, начиная с частных домов в Бруклине и заканчивая небоскребами в Манхэттене. Гордон подходит к работе основательно, изучает документацию и может весь день кропотливо провести за работой, которая у Хозе заняла бы час. Но зато Гордон может разобраться в сложной схеме. Он когда-то у себя в Гайане возглавлял группу электриков на большом алюминиевом заводе.

Тони же стал электриком у нас на Острове, закончив какие-то курсы, которые он гордо называет школой электриков. У него нет такого опыта, как у Хозе или Гордона. И он обычно ищет любые пути, чтобы избежать более-менее сложной работы. И берется за нее только тогда, когда отказаться невозможно.

Рядом с нашей комнатой в мастерской еще несколько таких же небольших комнат, в которых располагаются сварщики, сантехники, монтажники, столяры, слесаря. В конце коридора кабинет нашего начальника Ларри Вэнна. Ларри 50 лет, невысокого роста, спортивный, изрядно лысоватый, хотя еще видно, что это блондин. Ларри каких-то смешанных, в основном, ирландских кровей.

В приемной - молодая симпатичная секретарша Келли. Она - единственная женщина в мастерской, к тому же Келли, в отличие от нас, штатских, - полицейская дама, носит форму, которая выгодно подчеркивает ее стройную фигуру, и вокруг нашей черной красавицы в приемной постоянно крутится половина нашей мастерской...

Обычно первыми рано утром в нашей комнате появляются Гордон и Хозе. Я вижу это по их росписи в регистрационном журнале. Гордон не имеет машины, добирается до работы городским транспортом на метро и автобусе, это забирает у него пару часов. Когда же он встает, чтобы в шесть утра быть здесь?

Я прихожу на полчаса позже. В комнате запах кофе. Включен телевизор. Похоже, что телевизор никогда и не выключают. Хозе говорит, что без шума телевизора или радио

он не может работать, а тем более спать на работе. Хозе и Гордон обсуждают последние бейсбольные и боксерские матчи. Оба они страстные болельщики. Хозе ради только одного бейсбольного матча с любимой командой может купить абонемент на весь сезон. А вообще-то они оба не очень многословны. Гордон предпочитает весь день спать, положив голову на стопку газет. А Хозе - листать книгу о целебных травах.

Официально мы начинаем работу в семь утра. Как всегда, с опозданием на полчаса заваливается Тони. Хотя он живет рядом, его дом на другой стороне пролива виден с крыши нашей тюрьмы. - "Доброе утро!" - приветствует он всех. - "Какое доброе утро. Уже давно день!" - смеется над ним Хозе.

С приходом Тони в комнате становится шумно. У Тони многочисленные, быстро сменяющие одно другое, увлечения. И наша комната соответственно заваливается журналами по туризму, мотоциклам, охоте, собакам, фотографии, вегетарианскому питанию, йоге. Но самая большая страсть Тони - это непрерывные разговоры... И он втягивает всех в обсуждение каких-либо тем. В основном того, что показывают по телевизору.

Но сейчас Тони делится новостью, как он с женой ходил слушать оперу. Он всю жизнь мечтал сходить в оперу, послушать живьем знаменитых итальянских теноров, и, наконец, мечту осуществил. Непонятно, правда, что мешало ему попасть туда раньше, Тони всю жизнь живет в Нью-Йорке и мог бы ходить в оперу регулярно, если уж он такой любитель. Тони купил самые дорогие билеты в Метрополитэн-оперу и они с женой пошли слушать "Тоску". Правда, оказалось, по ошибке вместо Метрополитэн-опера Тони взял билеты в Городской оперный театр, который находится на той же площади.

- "Но всё равно, всё было прекрасно", - заключил Тони.

- "Скажи лучше, что ты решил сэкономить на билетах, - засмеялся или скорее заухал столяр Роберт Зильберман, забредший к нам выпить чашечку кофе у нашего телевизора, - все знают, что билеты в Городскую оперу в два раза дешевле!" Хозе сообщает, что он тоже любит музыку. Эстрадную. - "У меня, - оживляется Хозе, - в моем доме наверху есть моя личная комната. Там мой музыкальный центр. Я и сам немного играю. И на гитаре, и на пианино. У меня есть и то, и другое. Конечно, сейчас пальцы стали плохо гнуться. Артрит. А когда-то, в юности, я мечтал стать музыкантом. Вот там я провожу свое время. Когда в гости приходят дети и внуки, а у меня четверо детей и одиннадцать внуков, Мария стучит мне в потолок, я спускаюсь на минуту, говорю им привет, возвращаюсь к себе и продолжаю слушать музыку".

- "Я не могу в это поверить" - удивляется Зильберман.

Мы все думаем, что Роберт удивляется черствости Хозе, не желающего проводить время с внуками. Но Зильберман продолжает: - "Я не могу поверить, что электрик не провел в свою комнату электрический звонок, и жена должна стучать шваброй в потолок!" Хозе отмахивается от него и продолжает: - "У меня большая коллекция записей латиноамериканской и американской музыки. Есть даже очень редкие грампластинки и 45, и 33 оборота в минуту. Помните, такие были? И проигрыватель для них, естественно". Популярные шлягеры даже тридцатилетней давности здесь знают все, и Тони, и Роберт, и даже проснувшийся Гордон начинают спрашивать Хозе, есть ли у него тот или иной певец. У Хозе есть всё. В частности, Хозе сказал, что ему очень нравится голос Барбары Стрейзанд, хотя внешне она страшная. - "Сперва появляется ее нос, потом ты видишь все остальное, - объяснил Хозе, потом посмотрел на нос Зильбермана и стал смеяться, - ну да,

она же еврейка". Раздается громкий стук в дверь и рев за дверью сантехника Артура Джерковича: - "Pickle, I missed you! Give me a little love!" Пикл - кличка Тони, производная от его фамилии.

- "Привет, КГБ!" - бросает Артур мне по дороге. А потом обращается ко всем: - "Hi guys! Я отправил вам вчера по Интернету фотографии теннисистки Серены. И как они вам?" Тут уже не до высокого искусства. - "Какой у нее зад!" - восхищенно комментирует Хозе.

Но есть, оказывается, вещи более привлекательные, чем женский зад. Вслед за Джерковичем в комнату с грохотом вваливается наш маляр квадратный Фрэнк Штроз: - "Все - по два бакса! Разыгрывается лотерея в 350 миллионов долларов!"

И все тут же забывают о заднице Серены и начинают шарить по карманам. Один я безучастен. Все осуждающе смотрят на меня и Фрэнк зловеще говорит: - "Хотел бы я посмотреть на твою рожу, когда мы выиграем эти 350 миллионов!"

Эта лотерея разыгрывается еженедельно и еженедельно в нашу комнату со своим долларом заходят все работники нашей мастерской, желающие принять участие в розыгрыше. Это еще одна причина, по которой наша комната напоминает проходной двор.

Зильберман начинает мечтать: - "Если бы мы выиграли 350 миллионов долларов, я бы купил себе мощный джип с четырьмя ведущими колесами на зиму..."

- "Так зима в Нью-Йорке всего один день..." - "Ну и что, пусть стоит себе в гараже. А на лето кадиллак с открывающимся верхом, чтобы ветер бил в лицо. А то я не люблю эти кондиционеры в машинах"...

- "А мне не нравятся такие машины, - прерывает его Хозе, - ветер прическу разрушает" - "Ну, мне это не страшно" - и Зильберман любовно гладит себя по лысой голове.

К нам в комнату на минуту заскакивает сын Хозе, Хозе-младший. Он тоже электрик на Острове, только в другой тюрьме. В отличие от своего невысокого скрытного отца, Хозе-младший в два раза крупнее своего папаши и страшно разбитной парень.

Поглядев на скомканные доллары, собранные на лотерею, он смеется: - "Я знаю отца 35 лет и все эти 35 лет он играет в эту игру, но я не помню, чтобы за эти 35 лет он выиграл хотя бы доллар!" Увидев у меня на столе соблазнительную фотографию Софи Лорен в грации, подчеркивающей ее крутые бедра, Хозе младший спрашивает: - "Это, что, твоя женщина?"

А на мой нахальный ответ "Да!" Хозе-младший, посмотрев на меня с высоты своего роста, язвительно замечает: - "У нас есть испанская поговорка: слишком большая сковородка для такой скромной яичницы!" Затем он обращается к Робертсу: - "Ну как, Горди, здоровье после операции?"

- "Ничего", - вяло отвечает Гордон. Молодому Хозе такой ответ не нравится: - "Горди, ты должен снять двух проституток! Не меньше. И ты увидишь, что сразу почувствуешь себя лучше!" Потом с сомнением смотрит на Гордона: - "Или умрешь!" И заканчивает с энтузиазмом: - "Но умрешь счастливым!"

Гордон отмахивается от Хозе-младшего:

- "Ну, это для тебя!"

- "Да ты что, - вопит парень, - я прямо с работы еду на халтуру. У меня пять объектов. Я делаю деньги. За деньги - все что угодно: электрику, сварочные работы, малярные работы, дезинфекцию. Show me only money and I will be there!"

В отличие от отца Хозе-младший, больше чем бейсбол любит рыбалку. С товарищами он в складчину купил яхту и ходит на ней в море.

О своей последней рыбалке рассказывает взахлёб. На спиннинг он поймал рыбку размером почти с него самого, а он крупный парень с уже заметным брюшком. В отличие от всё еще спортивно выглядящего отца. Все недоверчиво хмыкают, но Хозе-младший обидчиво говорит, что на Интернете есть репортаж об их рыбалке и фотография самого Хозе с этой рыбиной в руках.

Тони не любит, когда не он в центре внимания. Он тут же сообщает, что хотя у него пока нет яхты, но он имеет моторную лодку. И спортивную лодку-каное. Его дом стоит прямо на берегу пролива. Кроме того, Тони еще и охотник. У него большая коллекция охотничьих ружей. И щенок охотничьей собаки, которого он собирается отдать в специальную собачью школу.

Артур Джеркович, еще более страстный охотник чем Тони, с ходу подключается к разговору:

- "Эти три месяца охотничьего сезона, - говорит Юркович, - мои! Я жене это сразу сказал, еще когда мы только на свидания ходили. Если она ко мне в это время пристает с домашними делами, я ей говорю "Go fuck yourself!", беру ружье и ухожу в лес".

В комнату заходит наш супервайзер Ларри Вэнн и задает традиционный вопрос Хозе:

- "Как там наш выигрыш в лотерее? А то я уже стал тратить деньги в счет будущего выигрыша!"

- "Если бы мы выиграли, - отвечает ему такой же традиционной шуткой Хозе, - разве бы вы меня здесь видели?"

- "Ну, то что ты стал тратить деньги, Ларри, - вылезает сбоку Зильберман, - это не страшно. Хуже, если начнет тратить деньги твоя жена!"

Потом Ларри вспоминает, зачем он зашел в нашу комнату и говорит, что в Старом здании просят заменить лампы.

Хозе мгновенно вскакивает и бросает мне:

- "Аллен, пойдем зарабатывать на рис и бобы!"

И мчится к двери. Хозе никак не может запомнить мое имя Алекс и упорно называет меня Аллен. Я еле успеваю за ним. По дороге он не забывает сказать мне, что Тони никогда не был электриком, развозил телевизоры клиентам, а в резюме написал, что был электронщиком. А Гордон, может, и был электриком, но в электропроводке все равно ничего не понимает.

- "А вот я, - продолжает Хозе, - 18-летним парнишкой приехал из Пуэрто-Рико в Штаты. И стал работать учеником электрика у одного еврея по фамилии Крамер. Меня тогда все называли Пепито. И как бы я ни старался хорошо делать свою работу, этот Крамер ходил за мной с огромной отверткой и докручивал мои болты, показывая, что я плохо работаю. Тогда я купил еще большую отвертку и, как Крамер ни старался, он не мог ко мне придраться. Я ждал похвалы и, не дождавшись, спросил его

- "Ну как моя работа?"

На что Крамер буркнул:

- "Ты сделал то, что от тебя и требовалось. Чего ты еще хочешь?"

А Хозе хотел признания. Он всегда был очень самолюбивым. Получив такой ответ от Крамера, Хозе тут же уволился с работы. Дело было в пятницу, а в субботу у дверей

дома Хозе стоял Крамер и орал, где тут Хозе. В итоге Хозе проработал с Крамером еще четыре года.

Крамер хоть и был очень требователен к своему помощнику, но когда Хозе должен был встречать в аэропорту своих родственников, Крамер взял свою большую машину и в личное время поехал с Хозе в аэропорт. А когда у Хозе тяжело заболела его первая маленькая дочь, Крамер устраивал ее в госпиталь, искал для нее врачей. Дочь, правда, все равно не сумели спасти. И тот же Крамер пытался устроить Хозе в профсоюз электриков, но тогда в профсоюз пуэр-ториканцев не принимали, там были в основном итальянцы да евреи.

- "И я благодарен этому еврею. Он научил меня работать так, чтобы никто не мог придраться к моей работе".

- "А ведь были и другие электрики, скрывающие свои профессиональные секреты. Я работал с одним итальянцем. Однажды мы устанавливали проводку, чтобы из разных мест большого помещения можно было включать и выключать одни и те же лампы. Я пробивал дырки в стенах, прокладывал трубы, протягивал провода, а когда надо было закончить монтаж, электрик меня выгнал, а в моё отсутствие все сделал сам. Так я после работы специально приехал на это место, открыл все соединительные коробки и разобрался, как все работает. Сейчас, конечно, другое дело - есть книжки, интернет, да и английский я лучше знаю. А сорок лет назад..."

Длинным коридором я и Хозе проходим в Старое здание. Это двухэтажный дом, в котором большие комнаты-залы, в каждом из которых по 50 кроватей, разделенных тумбочками у изголовья. На тумбочке обязательно Библия или Коран. И гора детективов. В каждом таком зале есть комната отдыха с телевизором и открытые туалеты и душевые.

Большинство заключенных - чернокожие испаноговорящие молодые ребята.

- "Это мои люди", - говорит о них Хозе.

Но вдруг один из заключенных обращается ко мне на русском:

- "Как там погода на Брайтоне?"

Вот и у меня земляки появились.

Нам надо сменить лампы над одной из коек. Хозе просит полицейскую, чтобы та приказала зэку освободить койку, а то, не дай бог, какая-нибудь песчинка упадет на зэка - он же засудит город на миллионы долларов за попытку его изувечить. Но зэк спит и не хочет вставать.

. Дежурная полицейская дама крутится вокруг него и уговаривает:

- "Миленький, ну встань, пожалуйста, им надо сменить лампы. Для тебя же. Всего на пять минут!"

Зэк отвечает:

- "А пошла ты..."

Полицейская не хочет с ним связываться и предлагает нам придти в другой раз. И это еще спокойные заключенные. Они свободно разгуливают по тюрьме - убирают коридоры, причем довольно тщательно, так что тюрьма блестит как частная поликлиника, (вот бы нам пару зэков в нашу комнату хотя бы на час), помогают на кухне, самостоятельно бредут в больницу или парикмахерскую, показывая полицейским пропуск. Другие разгуливают по общим камерам, играют в карты, в шахматы или дрыхнут целыми днями. Опасные сидят в одиночках. Но и этих выпускают в общий зал, где они смотрят телевизор или занимаются силовой гимнастикой. Посмотришь на такого

культуриста, который свободно делает крест на перилах на уровне второго этажа, и подумаешь, что такого лучше обойти за квартал, если встретишь на улице. Ему и оружие не нужно. Но то на безлюдной улице. А в тюрьме - опасно ли работать рядом с уголовниками? По коридорам бродят смиренные. В общих камерах, я полагаю, тоже довольно смиренные. Похоже, что весь день, в основном, они спят. И когда надо менять светильники над их кроватями, мы просим убрать зеков, чтобы не дай бог ничего не свалилось им на голову. Зеки начинают ворчать, но обычно этим ворчанием дело и кончается. Бодрствующие, наоборот, с интересом наблюдают, что мы делаем, все какое-то для них развлечение. Большинство тут же оказываются бывшими электриками (если работают сварщики - сварщиками, сантехники - сантехниками и т.д.) и дает множество глупых советов, пытаюсь завязать разговор. Но, конечно, зеки есть зеки и, я полагаю, большинство попало сюда за дела не самые праведные. И с психикой у многих из них тоже, наверное, не все в порядке. Периодически возникают конфликты между заключенными или между заключенными и надзирателями. Тогда объявляется тревога. Повсюду начинают сверкать вращающиеся красные фонари-мигалки, как на полицейских машинах. Всякие штатские должны прятаться по углам, сидеть там тихо и не высовываться, пока не объявят отбой. А мимо них, то есть нас, мчатся маленькие электромобили с огромными толстыми полицейскими (это для тех, которые уже не могут самостоятельно передвигаться), полицейские с немецкими овчарками и спецназ -отряд полицейских, половина из которых женщины, одетые в бронежилеты, шлемы, всякие налокотники и наколенники, и с метровыми деревянными палками в руках. Бегут попарно, тяжело стуча ботинками, как какая-то римская когорта или древнегреческие гоплиты. Через какое-то время, потные, идут обратно, ведут скованных зеков, или иногда даже везут на медицинской каталке скованного по рукам и ногам, лицом вниз. Как бревно берут за руки и за ноги, снимают с каталки, и в таком положении, лицом вниз, уносят куда-то. Опять все более-менее тихо

- "Куньета!" - ругается Хозе по-испански сквозь зубы, и мы идем обратно в мастерскую.

Какой-то уголовник, указывая на меня, говорит другому:

- "Вот посмотри, этот, кто несет инструменты, получает 30 долларов в час!"

- "А вот тот, - и он тычет пальцем в Хозе, - получает аж 50 долларов в час только за то, что меняет лампы! Грабят город!"

Хозе, который обычно пытается ладить с уголовниками, все время напоминая мне, что они тоже люди, неожиданно раздражается:

- "Так сдай экзамен на электрика и тоже получай 50 долларов в час ни за что, как ты говоришь!"

Но уголовник протягивает нам свои руки ладонями вверх:

- "Эти руки никогда не были и не будут грязными от работы!"

Мы возвращаемся в нашу комнату. Там уже во всю бушуют страсти. К нам в комнату забрел сварщик, черный гигант Ричи Мортон.

Как и по всей Америке, наши работники тоже делятся на демократов и республиканцев. В первом приближении, черные - демократы, белые - республиканцы. Ричи у нас крайне левый, Тони - крайне правый.

Ричи, по своему обыкновению, сразу же затеял политическую дискуссию.

Во-первых, незачем было посылать в Космос "Шатл", лучше было бы эти деньги потратить на социальные нужды - помощь бедным, образование, медицинскую страховку.

Его немедленно поддержал демократ Хозе - право на бесплатное высшее образование и лечение должно быть у всех, и немедленно! Ему стал возражать республиканец Тони: давать деньги бедным - только усугублять проблему и увеличивать количество дармоедов.

Во-вторых, любимый тезис Ричи, евреи должны уйти из Палестины и вернуть арабам их землю. И это хорошо, говорит Ричи, что евреи ушли из Газы.

Зильберман удивляется, почему это арабы могут жить в Израиле, а евреи не могут жить в Газе. В Газе всего было 8 тысяч евреев, чем они так мешали арабам? Пусть эти евреи живут себе там на свой страх и риск.

Неожиданно против Зильбермана выступил всегда политкорректный Хозе:

- "Предположим, Роберт, ты продаешь мне дом, но при этом оставляешь там квартирантов, которых я не могу выселить. Зачем мне такой дом?"

- "Если весь мир, кроме США, настроен против Израиля, может они в чем-то правы, может, есть за что не любить евреев?" - спрашивает он.

- "Буш делает все, чтобы удовлетворить евреев, - развивает Хозе свою любимую тему, - которые даже будучи гражданами Штатов, больше думают об Израиле, а между тем Америка приобретает все больше и больше врагов!"

Как будто Хозе, будучи гражданином США, не кричит все время, что он не гринго, а пуэрториканец

- "И вообще на помощь Израилю идут мои налоги", - добавляет Хозе.

А когда арабы разрушили Всемирный Торговый центр, не Хозе ли первый кричал, что нужно убить всех арабов, не различая, где там старики, женщины или малолетние дети? Kill all son-of-bitch!

Тони, как всегда, встал на сторону евреев и предложил арабам в свою очередь покинуть Палестину, то есть землю давно исчезнувших филистимлян, а не арабов, получив денежную компенсацию.

- "Если бы мне, - сказал Тони, - предложили миллион долларов, чтобы я уехал из Бронкса, и даже из Штатов, я собрался бы в ту же минуту. В любой стране с этими деньгами я жил бы как король".

Хозе начинает громко возмущаться:

- "Чтобы меня выселили из дома, где я живу и где жили мои родители... Да ни за какие деньги!"

Забыв, что он сбежал из Пуэрто-Рико вовсе без денег, сменив не только страну, но и язык. А его дети уже и слышать не хотят о Пуэрто-Рико.

- "Эту землю Бог дал евреям, это написано в Библии, и дело всех верующих людей, почитающих Библию, это признать!" - заявляет Тони.

Никакие геополитические или экономические соображения он не считает серьезными.

От своего стола оторвал сонную голову Гордон:

- "Я тоже человек верующий! Бог дал эту Землю всем во всеобщее владение".

- "Но если для тебя, как для всех христиан, Библия - закон, то там сказано, что Бог дал землю евреям от Ефрата и до Нила!" - возражает Тони.

- "Да, в начале Бог обратился к евреям. Это был первый малый круг вовлеченных. Но потом этот круг становился все шире и шире, и теперь Бог обращается ко всему человечеству. Так что Израиль - и как слово, и как земля - теперь для всех живущих на

планете! - опять подливает масло в огонь Ричи, - а про евреев в той же Библии сказано, что Бог их рассеет по всей Земле. Это их место, в рассеянии".

- "Все должны жить в Палестине вместе и в мире! Повторяю. Я верю в Бога. Бог не даст пропасть человечеству!" - патетически провозглашает Гордон. Все смеются. Гордон проснулся! И заговорил!

- "Тони, - обращаются все к Пикорелли, - ты должен потребовать от профсоюза электриков увеличить наш 7-и часовой рабочий день до 8-ми часов. Врачи рекомендуют 8 часов для сна. Все же видят, что Горди не высыпается!" Тони скептически отнесся и к заявлению, что Гордон - человек верующий, Тони считает Свидетелей Иеговы языческой сектой. И к тому же, что арабы и евреи могут жить в мире:

- "Но мусульмане не хотят жить в мире ни с кем, они хотят всех превратить в мусульман, заставить всех жить по шариату, а несогласным перережут горло. И не дай Бог, если в руки ортодоксальных мусульман попадет ядерное оружие!" - возражает он.

- "Мы, итальянцы, тоже эмигранты. В страну прибыли относительно недавно, каких-то сто лет назад. Но мы сразу стали гражданами, патриотами этой страны. Мы, итальянцы, воевали с фашистской Италией.

А мусульмане? Тех просто не надо пускать в страну! А раз уж пустили, то срочно всех депортировать. Тогда бы не было 11 сентября. Или взять вот эти взрывы в Лондоне. Блэр обвиняет Израиль в том, что мусульмане взрывают станции метро в Лондоне. А я бы на каждый такой теракт бомбил бы их города. Медину и Мекку в первую очередь. Ядерными бомбами!"

- "Тони, Тони, - останавливает его Хозе, - успокойся. Ты же христианин. Это что же, если в Пуэрто-Рико есть несколько экстремистов, которые хотят полной независимости от Штатов и поэтому активно выступают против Америки и даже в свое время пытались организовать покушение на президента Трумэна, ты собираешься убить миллионы моих людей. Кого ты конкретно хочешь бомбить?"

- "Не знаю, - раздражается Тони, - но терпеть это больше невозможно!"

- "Kill them more!" - поддерживает Тони наш второй сантехник Артур Пробст.

Пробст - партнер Джерковича. Оба Артура из немцев. Арчи - еще относительно молодой, толстый и уже лысый. Как он говорит, очень удобно одновременно мыть и лицо и голову. И шампунь не нужен.

Пробст - уже пожилой, тощий, с топорщащимися усами, короче, карикатура на немецкого фельдфебеля. Пробст, кстати, был участником вьетнамской войны. Арчи все время задирает своего партнера, тот огрызается, и их юмористические диалоги, на 90 процентов состоящие из мата, слышны на всю мастерскую.

Пробст подливает немного масла в огонь и, как всегда, очередной спор Тони и Ричи заканчивается тем, что разозленный Тони советует Ричи вернуться в Африку, хотя Ричи с Карибских островов, а Ричи, в свою очередь, отправляет Тони в Италию.

- "А ты не хочешь вернуться в Россию. Там, по крайней мере, к рабочим относились по-человечески. Давали и бесплатное образование, и дешевое жилье и гарантировали работу!, - поворачивается ко мне Ричи, - а здесь?!"...

И Ричи страшно удивился, узнав, что я не хочу возвращаться в Россию:

- "Как, ты там родился, там твоя родина. Вот Хозе никогда не забудет Пуэрто-Рико!"

Хозе смеётся и говорит мне:

- "Заметь, что хотя Ричи очень большой патриот своей страны, но почему-то туда не рвется, живет здесь и даже в отпуск туда не летает".

Я не поленился посмотреть в справочнике, что это за страна Сент-Китс и Невис, откуда родом Ричи. Оказалось - это клочок земли площадью в 260 квадратных километров и населением в 40 тысяч человек, в основном черных протестантов. И эти два островка имеют право на независимость, а Израиль, по-мнению Ричи, не имеет.

Тони любит демонстрировать свои симпатии к евреям.

- "Вы знаете, - сообщает он, - что я веду вечерами уроки в школе, готовлю мальчиков к конфирмации, изучаю с ними катехизис. И я рассказываю им, что Иисус был еврей, его мать дева Мария и святой Иосиф, и все апостолы были евреями, и что Ветхий Завет - это еврейская книга, так вы бы видели лица мальчиков, они этому не могли поверить!"

- "А что, - вклинивается Хозе, - я тоже родился в католической семье и тоже был уверен, что евреи имеют только одно отношение к христианству - они убили нашего Бога Иисуса Христа. Только приехав в Штаты и столкнувшись с живыми, а не придуманными евреями, я изменил свое мнение. Конечно, я все равно не согласен с их религией, но..."

Но тут Роберт Зильберман решает подшутить над Тони:

- "Тони, а итальянцы имеют какое-то отношение к римлянам? Можно ли считать, что римляне - это предки итальянцев?"

- "Конечно!" - отвечает Тони. Он очень гордится своим античным наследием.

- "И всё, что написано в Новом Завете, без всякого сомнения правда?"

- "Конечно!"

- "В таком случае может ли Израиль предъявить иск Италии за оккупацию римлянами Иудеи и незаконное убийство римлянами гражданина Иудеи Иисуса из Назарета?"

Тони возмущен таким коварством:

- "Это евреи приговорили Иисуса к смерти. А римляне только выполнили их волю. Я видел очень хороший фильм об этих событиях (для Тони голливудские фильмы имеют статус исторических документов), так там четко видно, как первосвященник Каифа грозил Понтию Пилату, что если Пилат не казнит Христа, то Каифа донесет в Рим о его нелояльности кесарю, и Пилат струсил. И вообще как видно из того же фильма, среди римских солдат были не только римляне, но и сирийцы, и греки, и кого там только не было. Так что итальянцы здесь не при чем!"

- "И как вообще можно убить Бога? - приходит на помощь Тони Хозе, - Это было задумано самим Богом и если бы даже евреи не требовали смерти Христа, Иисусу все равно было суждено умереть на кресте"...

Но сейчас Тони больше волнует предстоящий день Колумба. Тони посвящен в рыцари ордена Колумба, и как рыцарь этого ордена он готовится к параду в Манхэттене. Хотя Тони любит нам напоминать, что он - рыцарь, но об Ордене много не рассказывает - дал клятву о сохранении тайн Ордена. При Тонином болезненном стремлении поговорить, хранить тайны - большое испытание. А я забыл спросить Тони, в чем рыцари выходят на парад - в рыцарских доспехах? День Колумба в Штатах для многих организаций, в том числе и нашей, - нерабочий день. Хотя индейцы и черные этот праздник за праздник не считают. С Колумба началось уничтожение индейцев и рабство негров.

Опять - стук в дверь. В комнату всовывает голову секретарша Келли:

- "Я знаю, что вы заняты, но в клинике не открывается дверь. Что-то с электромотором. Кто-нибудь пойдите, пожалуйста, and fix this fucking door".

Келли - не начальство, и никто не реагирует на ее просьбу. Один Хозе ворчит:

- "Келли, ты становишься хуже, чем моя жена!".

А сантехник Джеркович, лысый и пузатый, с бумажным стаканчиком кофе в руке, делает Келли комплименты:

- "Келли, я люблю кофе, похожий на тебя: горячий, черный, свежий и с приятным запахом!"

Наконец я не выдерживаю и как самый младший электрик, подымаюсь и говорю ей, что пойду и посмотрю, что там.

Зильберман, непонятно что делающий в нашей комнате, тут же начинает подшучивать: - "Вы только посмотрите на него. Он пятьдесят лет ничего не делал в России, а тут, в Америке, отдохнул и решил поработать!"

- "I love you Alex", - довольная, что удалось хоть кого-то уговорить, говорит мне Келли и убегает.

Напарник Джерковича Пробст тут же ехидно мне замечает:

- "Мы все тебе ужасно завидуем, Алекс".

Непонятно, правда, чему все завидуют. Тому, что меня любит красотка Келли, или тому, что мне приходится тащиться в клинику.

- "Gosh! What's the beautiful ass!" - увидев уходящую Келли, восхищается неожиданно проснувшийся Гордон.

- "What's the nice tits!" - предпочитает Арчи.

Потом Джеркович предлагает Гордону компромисс:

- "Let's go together and each takes whatever he likes!"

У Гордона руки трясутся, все время держится за сердце, но душой (или как оно там называется) еще молод.

- "Да ничего никому из нас у Келли не обломится, - смеется Хозе, - так что, Гордон, не переживай".

Я беру инструменты и выхожу. В тюрме вентиляция, как всегда, вышла из строя. Мы задыхаемся в своей мастерской без окон. Заключенные проявляют смекалку и, например, охлаждают бумажные пакеты с молоком в унитазе. А что?

Добираюсь до клиники и слышу, как двое работников нашей тюремной аптеки перебрасываются между собой репликами по-русски. Я вижу этих фармацевтов здесь уже три года, и ни разу они мне не дали понять, что они из Союза.

Долго мучаюсь, не могу разобраться, почему не работает примитивный переключатель. Потом вижу, что провод подходит к выключателю, но не касается контакта, а приклеен к выключателю липкой лентой... Подсоединяю провод, все работает. Возвращаюсь в мастерскую, рассказываю, в чем было дело. Хозе объясняет мне, что это фокусы полицейских. Они специально выводят переключатели из строя, а затем, когда электриков нет на работе, начальство вынуждено ставить полицейских к двери, и те вручную открывают и закрывают дверь. А так как это не их основная работа, то им ее зачитывают как сверхурочные, и это неплохие деньги.

Тони демонстрирует свою религиозность, завалив весь рабочий стол христианской литературой, чем вызывает легкую брезгливость Хозе, который считает, что рабочий стол

должен бы быть завален электродетальями. На работе надо заниматься работой. А к Богу обращаться в церкви после работы Но Тони считает, или любит об этом говорить, что Бог с ним всегда, в том числе и на работе.

Тони не раз нам говорил, что не получил высшего образования, так как у его семьи не было денег, чтобы заплатить за его учебу.

И вот теперь он решил заочно получить степень бакалавра богословия. Как всегда, с каждым его новым увлечением Тони серьезно взялся за дело. Он купил новый дорогой компьютер, какой-то хитрый принтер, печатающий текст с человеческого голоса, заплатил за один семестр.

А теперь Тони вдруг спохватился, что семестр уже кончился, а он еще не приступал к своим занятиям на богословском факультете. Он так много сил отдал подготовке к учебе, что у него не осталось времени собственно на учебу. И сейчас он с головой погрузился в труды отцов Церкви.

Но долго читать книги Тони не может и решает обсудить с Хозе, что делать с католическими священниками, уличенными в прелюбодеянии. Оба, и Тони и Хозе - католики. Гордон, как принадлежащий другой церкви - свидетелей Иеговы, в обсуждении участия не принимает.

Хозе священников не любит.

- "У нас в Пуэрто-Рико они нам жить не давали. Обладали огромным влиянием и властью. Попробуй не придти в церковь, попробуй не внеси деньги. Они по домам ходили", - возмущался Хозе.

В конце концов, он от них сбежал в Америку. Для Хозе все ясно - с ними надо поступать как с любыми другими преступниками, почему для них должны быть привилегии, скорее наоборот: провинился - в тюрьму. Причем здесь христианское милосердие?

- "А если бы они тронули моего ребенка, убил бы сукина сына!"

Тони начинает долго разлагольствовать, что надо католическим священникам разрешить жениться, если они этого хотят.

А когда мы остаемся одни, Тони мне говорит, что ни Хозе, ни Гордон не являются настоящими христианами, как все цветные - они язычники и не верят в Христа, хотя у Хозе на шее висит медальон с Девой Марией.

- "Так я, - пытаюсь я осторожно добавить, - тоже не верю в Христа. И вообще не верю, что какая-то высшая сила персонально занимается каждым человеком, что с ней можно общаться и получать какие-нибудь ценные указания..."

- "Ну как же, - рассказывает мне Тони историю из своей жизни, - я в молодости много пил. И даже лечился от алкоголизма. Но однажды мне было виденье, что если я перестану пить, мне Бог даст дом! Я проснулся, сказал жене, что мы идем покупать дом. Она удивилась, но мы сели в машину и заехали куда-то и увидели дом, о каком мы мечтали. Он продавался и очень дешево. Вот так я купил дом, перестал пить и вернулся в церковь!". - "Я думаю, это был знак свыше", - заключил Тони.

В то же время он все время приносит всякие научно-популярные журналы, является членом общества поддержки Музея естественно-научной истории. И все пытается увязать науку и религию.

Но иногда вдруг мрачно заявляет, что Богу пора уже уничтожить человечество, поскольку оно не желает жить по божьим законам.

- "Почему же не живет, - возражает Хозе, - как раз и живет. Все ведь в руках божьих!".

На что студент теологического факультета нам объясняет, что на это у верующих есть две точки зрения. Первая, что да, все в мире предопределено Богом. Этим иногда пользуются подлые адвокаты, доказывая, что их подзащитные преступники не виноваты, поскольку от них ничего не зависело. Во всяком случае, они уже сейчас добились, что сумасшедшие имеют такие же права, как нормальные люди. Короче, добавляет Тони, Америка - сама сумасшедшая страна со своей демократией.

А вторая, что Бог дал людям свободу выбора, в разумных границах, разумеется, и каждый выбирает, как ему жить - по божьим законам, и тогда ему наградой будет Рай, а другим - прямая дорога в Ад.

После этого Тони принимается за чтение Библии, причем читает он с ручкой в руках, что-то там подчеркивает...

- "Для меня Библия - закон, по которому надо сверять любые наши поступки! Надо выполнять всё, что там написано, - взрывается Тони, - а где в Библии написано, что разрешены аборт или браки между гомосексуалистами?"

Его поддерживает Хозе:

- "Даже глагола такого нет, чтобы назвать это дело, когда мужчина женится на мужчине. В то же время арестовывают проститутку за совершенно естественные отношения между женщиной и женщиной".

- "Ну, в Библии проституция осуждается", - вмешивается Тони.

- "А почему бы и нет, почему бы не разрешить браки между гомосексуалистами, - ехидничает Роберт Зильберман, - лишь бы они налоги исправно платили. А проститутки налоги не платят!"

Недавно Тони попросил Зильбермана принести самоучитель по ивриту. И Тони прочел первое слово на иврите - "Шалом". После чего, страшно довольный, что приобщился к святому языку, самоучитель куда-то забросил.

К нам опять заходят два наших толстяка Артур Джеркович и Фрэнк Штроз. Арчи, глядя на стол Тони, кричит с порога:

- "Это что, мастерская или библиотека?"

А Фрэнк начинает подначивать Тони:

- "Тони, объясни, как это может быть? У евреев, особенно в старое время, все мужчины, начиная с 13 лет, должны быть женаты. Как же это Христос ухитрился быть холостым до 33 лет? Может, он был голубым?"

Тони багровеет от такой ереси:

- "И ты называешь себя католиком?"

- "А что, - отвечает невинно Фрэнк, - я в воскресенье ходил на мессу".

- "Куда?", - подозрительно спрашивает Тони.

- "В главный кафедральный собор в Манхэттене, в собор святого Патрика!"

Тони не верит. Но я действительно как-то видел Фрэнка с детьми в одно из воскресений у этого собора. Ну что ж, у многих верующих набожность сочетается с богохульством.

За Христа вступается Арчи:

- "Ну как ты можешь, Фрэнк, так говорить о нашем Христе? Я вот читал недавно в книге, что Христос был нормальным мужчиной и жил с проституткой Магдалиной"

Такая защита Христа еще больше возмущает Тони:

- "В какой книге ты это читал?"

- "Да вот недавно вышла книга "Код Леонардо да Винчи", так там автор ссылается на древние священные христианские книги..."

- "Это апокрифы, - вопит Тони, - они не вошли в канон!"

- "А кто решал, что включить в канон, а что - нет?", - ехидно спрашивает Артур, и они с Фрэнком довольные тем, что вывели Тони из себя, уходят.

- "И эти люди, которые, может, всего пару раз за всю жизнь заходили в церковь, считают себя настоящими христианами!"

Тони в последнее время предпочитает вести теологические беседы с Робертом Зильберманом, а не с Хозе, который уклоняется от этой темы, или тем более со мной. Тони считает меня атеистом, в его устах - это ругательное слово, почти такое же как демократ или либерал.

- "Я не атеист, - испуганно пытаюсь я отбиться от опасного в Штатах обвинения, - просто я знаю, что я ничего не знаю".

- "Ага, - понимающе говорит студент-заочник теологического факультета Тони, - значит ты - агностик".

Конечно, Роберт - американец, говорящий по-английски, хоть и еврей, а я для американцев, как любит именовать меня при встрече наш сантехник Джеркович, - fucking Russian. Хотя внешне мы схожи с Зильберманом. Как будто вышли из одного местечка.

- "Нет, - говорит мне Тони, - ты похож на русского. У тебя русые волосы".

И Тони находит утешение в беседе с Робертом Зильберманом. Он выясняет у Роберта детали службы в реформистской синагоге. И заодно льстит Роберту, что это евреи первые обратили внимание человечества, что Бог один и един для всех. И тем самым вырвали слепое человечество из лап язычества, всяких там древних греков, индуистов и шаманистов...

Потом говорит Зильберману:

- "Роберт, вам евреям хорошо, вы отчитываетесь перед Богом только раз в году, на Иом Кипур, а мы, католики, должны исповедываться каждую неделю!"

- "Но зато, - парирует Роберт, - вы тут же получаете прощение и можете снова грешить всю неделю до следующей исповеди!"

Тогда Тони переключается на меня:

- "Как вы, русские, - обращается он ко мне, - могли столько лет жить без Бога? Не от того ли все беды России? Если нет Бога, то нет и страха перед наказанием. Нет ни моральных, ни нравственных запретов! Все разрешено!"

Но затем Тони меня утешает:

- "Неверующие иногда бывают лучше верующих. Вот я купил и установил около своего дома статую Мадонны с младенцем, так у меня ее утащили! Кто ее мог утащить? Неверующему она не нужна, а верующий, если он не последний подлец, то полный идиот - что, Мадонна оценит его благочестие? Не увидит, что статуя ворованная?"

- "Нет, - распаляется Тони, - Америке определенно на пару лет нужен диктатор, чтобы очистить страну от уголовников... Все- таки Муссолини, Гитлер или Сталин сделали доброе дело, уничтожив бандитскую мафию!"

- "Нет, - начинает Тони, - определено нам нужен Сталин или Гитлер на один год или хотя бы на один месяц, чтобы разделаться со всеми преступниками, а не цацкаться с ними на Острове, где они думают, что они на курорте".

"Действительно, - соглашается с ним Зильберман - мы вот сидим в душной комнате без окон, а уголовники имеют прекрасный вид на Манхэттен. Да за один только такой вид крошечная квартира в даунтауне стоит миллион долларов!"

- "А бесплатная поликлиника с зубоврачебным кабинетом, а два стадиона, а библиотека, а школа с компьютерным классом, а церковь - зачем уголовникам компьютеры, зачем уголовникам церковь?" - возмущается Тони. - "И неплохо было бы, - продолжает наш Тони, - чтобы этот Сталин, или Гитлер разделался бы с либеральными продажными адвокатами, судьями, журналистами..."

- "Это все демократы. Пускают кого угодно в страну. И льгот у заключенных больше чем у нас. Скоро этим зэкам еще профсоюз организуют, свои партии, а там, глядишь, и кандидатов в губернаторы, а то и в президенты зэки будут выдвигать! Нет, что ни говори, а в чем-то мусульмане правы: попался - отрубить руку, а лучше - голову".

- "Ну почему же демократы, - парирует демократ Хозе, - сейчас вроде бы у власти республиканцы!"

- "Один черт либералы!", - немного утихомиривается Тони.

Следующим Ларри отправляет на работу Гордона. Тому, похоже, не удастся поспать сегодня.

- "Мистер Джи", - зовет меня Гордон по первой букве моей фамилии.

По дороге Гордон мне говорит с осуждением:

- "Ты видишь, как мы работаем? Тони ничего не делает и ничего делать не хочет. У меня сейчас после операции трясутся руки, но даже в таком состоянии я могу сделать в три раза больше его. Но у Тони хорошо подвешен язык и он этим очень ловко пользуется. Всегда находит оправдание, чтобы ничего не делать, и друг всем начальникам. Здесь только это и ценится. Но я его не виню. Как говорит Хозе, если тебе на стол положили цыпленка, почему бы его и не съесть. Я обвиняю супервайзера. Это его дело следить, чтобы работа выполнялась. А Ларри и сам сегодня проболтал с нами весь день!"

Гордон жалуется, что ни Хозе, ни Тони не прислушивается к его умным советам, а ведь он в Гайане был инженером, а Тони с Хозе неграмотные работяги.

- "Ты, наверное, у себя тоже был инженером" - льстит он мне.

Мы отправляемся в "приемный покой", куда прибывают арестованные, и где нам надо поменять перегоревшие лампы.

Прибыла новая партия заключенных. Они снимают всю свою гражданскую одежду, голыми проходят через магнитную рамку, приседают, делают еще какие-то манипуляции, вокруг равнодушно снуют полицейские, мужчины и женщины. Они все это видят по несколько раз в день и не обращают на голых зэков никакого внимания.

Я же здесь бываю не часто и мне всё это видеть несколько дико. Меняем мы лампы в душевой. Душевая - это довольно большая комната со стеклянной стенкой, чтобы зэков было видно. Затем зэков перемещают тут же в большие камеры, где стены сделаны в виде решетки из толстых прутьев, как в зоопарке. Там они и спят прямо на полу, пока их не переводят во внутренние помещения.

И мы тоже переходим внутрь тюрьмы, в одно из ее зданий, называемое Приставкой.

Приставка - это одиночные камеры. Но режим в Приставке не очень строгий, заключенные бродят между камерами, смотрят телевизор, или играют в шахматы, в карты.

К нам пристают заключенные, клянчат сигареты. Гордон им отвечает, что сигареты запрещены не только заключенным, но и всему персоналу, и никаких сигарет вообще в тюрьме быть не может.

- "Разве", - нахально усмехается один черный парень и пускает струю дыма прямо Гордону в нос.

Неожиданно один из эков закричал по-русски соседу:

- "Эй, Вася, тут какие-то штатские работают!"

Тот отвечает:

- "Так попроси у них спички, а то я тут сигаретку затырил"

- "Нет, - отвечает первый, - не буду я у них ничего просить. У них морды ментовские!"

Вообще-то меня эки мало волнуют, но тут я взбесился. Приехали сволочи в нормальную страну, где их приняли как людей, и опять за старое. Я понимаю теперь Хозе, как ему неловко работать в тюрьме, где большинство заключенных его бывшие соотечественники.

Похоже, что в нашей тюрьме наряду со священником, муллой и раввином придется приглашать на работу и православного батюшку, так как всё больше появляется русских эков. Я стараюсь не разговаривать с ними (с заключенными нам вообще разговаривать запрещено). Они оскорбляются:

- "Гляди, он думает, что он лучше нас!"

Мы с Гордоном заходим в контрольную комнату, где сидят полицейские, управляющие электрическими дверями. Там что-то сломалось, то ли выключатель, то ли электрический замок, собственно, мы и пришли сюда устранить эту неисправность, и дверь обычным ключом, а не электровыключателем нам открывает полицейская дама. Увидев Гордона, она мощной грудью прижимает его к стене и угрожающе говорит:

- "Это ты утащил наш огнетушитель?"

- "Какой огнетушитель? - пицит полузадушенный Гордон, - я электрик"

- "Электрик, - заинтересовалась черная красавица, не выпуская Гордона из своих объятий, - а ты не смог бы отремонтировать розетку у меня дома?"

- "Я не работаю на стороне".

- "А если я тебя угощу пиццей с пеперони?"

- "Я же сказал, я не имею лицензии на работу в частных домах".

- "А если мы с тобой еще и выпьем после ремонта розетки?"

. Полицейские тут тоже не очень перетруждаются, скучают от безделья и рады любому развлечению, поэтому за Гордона берется вторая дама и огорашивает его заявлением:

- "Ты обещал на мне жениться. Я согласна!"

Гордон сперва теряется от такой шутки, но потом отвечает:

- "У меня много женщин, я не помню, что я кому обещал. Так что подожди".

- "Хорошо, я постою в очереди" - вздыхает она и посылает ему воздушный поцелуй.

Гордон еле от них отцепился. Хоть ему уже за шестьдесят, и у него после операции на сердце трясутся руки, он еще стройный мужчина и к нему цепляются женщины. А вот к нам с Хозе почему-то нет.

Нам с Гордоном надо было найти порванный провод. А там жгут из сотни проводов. Но Гордон лег под стол, где находилась распределительная коробка, прямо под ногами у соблазняющих его дам, и стал методично перебирать провод за проводом. Уже пошло обеденное время, но Гордон как бульдог вцепился в этот жгут проводов. Наконец ему удалось найти поврежденный проводок, и он довольный вылез из-под стола:

- "А вот Тони и Хозе не умеют правильно и методично находить причину неполадок! Бросаются туда-сюда"

Еще бы. Гордон страшный педант во всем и строго придерживается установленных правил. Если Тони закручивает два болта по диагонали в крышку светильника из полагающихся восьми, я - четыре, по углам, Хозе - шесть (но при этом поучает меня, что надо придерживаться порядка и вкрутить все восемь, а то в случае чего на суде не оправдаешься), то Гордон без всякого страха перед возможным расследованием, а просто потому что так положено, закручивает все восемь.

Закончив работу, мы, пропустив обеденный перерыв, с опозданием возвращаемся в мастерскую.

В мастерской никого нет. Все ушли в гимнастический зал. Этот зал вообще-то для заключенных. Для них же есть и стадион под открытым небом во внутреннем дворе. А в зале администрация периодически устраивает праздники для сотрудников. И на этот раз там проходит праздник под названием "Испанская культура".

И все штатские и полицейские, свободные от дежурства, сбежались на бесплатное угощение. Там же вся наша мастерская.

Вдруг Тони толкает меня в бок - впереди нас стоит наш тюремный раввин. Раввин кругленький, пузатенький, тщательно выбритый, в костюме с галстуком - типичный американец. Единственный видимый признак еврейства - ермолка на голове.

- "Неужели, - спрашивает Тони, - раввин возьмет эти свиные сосиски?"

Тони любит с раввином разговаривать на религиозные темы и при этом торжественно называет его "раббай" и вообще оказывает ему все знаки почтения как духовному лицу. А тут подошел к раввину и ехидно его спросил, не собирается ли он есть свиные сосиски. Раввин испуганно ответил, что сейчас подвезут кошерную еду и выскочил из очереди. И правильно сделал, потому что сосиски оказались редкой гадостью.

Я спросил Тони, что здесь делает раввин. Я за полгода видел всего одного зэка в ермолке. Тони ответил, что каждая тюрьма имеет по одному католическому священнику, мусульманину и раввину и, соответственно, помещения для церкви и мечети.

Хотя я мало видел религиозных евреев-уголовников, зато наша тюрьма завалена мацой в любое время года. Ее очень любит Хозе. Намазывает ее сверху вареньем и пьет чай с мацой.

Еще позже нас появляется наш столяр Роберт Зильберман.

- "И почему это, когда в тюрьме есть бесплатная еда, я все время опаздываю?" - причитает Зильберман.

- "Но с другой стороны, - утешается Роберт, - я решил похудеть. А то на днях я хотел купить новое пальто. Я помню, что в последний раз, когда я покупал пальто, мой

размер был 42. Я беру пальто размера 42 - не налезает. Я беру размер 44, не сходится. Наконец, я примеряю пальто 46 размера, застегиваю его в талии, но оно болтается в плечах. А ведь когда-то я был тонкий и стройный, как железнодорожный рельс!"

- "А может, тебе надо просто больше работать, а не спать весь день в столярке, тогда похудеешь", - замечает ему Тони, - кстати, а что ты там, Роберт, рассказывал о покупках?"

- "Да понимаешь, не могу купить себе костюм. Если пиджак хорошо сидит, брюки не подходят. И наоборот. А я видел на распродаже дешевый, но хороший костюм. Обычно он стоит 400 долларов, а они его продают за 180!"

Потом Роберт внимательно смотрит на Тони, на его округлое брюшко, и в голове у него мелькает идея:

- "Тони, давай пойдем вместе и купим этот костюм. Я возьму себе пиджак, а ты брюки".

Тони не может упустить такой случай посмеяться над Зильберманом:

- "А что мы ещё можем делать вместе. Может, пойдем купим нижнее белье. Что ты делаешь после работы, может, пойдем вместе поужинаем?"

Но Роберт раздраженно отмахивается от его шуточек и объясняет:

- "Я покупаю вещи только в магазинах, которые выходят из бизнеса, тогда они всё распродают по дешевке!"

- "Причем, - добавляет он смеясь, - покупаю даже те, которые мне не нужны, только потому что они дешевые!"

Мне нравится это оправдание - покупать ненужную, или дорогую вещь только потому, что на нее якобы резко снизили цены.

- "А я, - заявляет Тони, - я купил себе цифровую фотокамеру фирмы Канон и буду заниматься фотографией!"

А потом гордо добавляет:

- "Камера мне обошлась в две с половиной тысячи долларов!"

- "Что ж такого особенного в этой камере?", - спрашиваем мы.

- "Разрешение в 8 мегапикселей и сменная оптика! Я давно мечтал о такой камере. Буду ходить в зоопарк и в лес, снимать зверей, природу - поясняет Тони, - ну и своих внуков, конечно!"

У Тони новая игрушка, и он радуется своей камере, как ребенок. Но, как всегда, удовольствие ему портит Хозе.

- "А я покупаю, когда мне надо, разовую камеру за один доллар, делаю свои 24 кадра и выбрасываю камеру в мусор. И фотографии получаются не хуже, чем с вашими дорогими фотоаппаратами!"

А потом тихо добавляет, что Тони, как всегда, купил очень дорогую вещь, которая уже через неделю, когда ему эта игрушка надоест, будет валяться где-нибудь в углу.

- "Вот увидишь, - говорит он мне, - мы не увидим ни одной фотографии. До этого этапа Тони не дойдет".

Действительно, Тони всегда находит что-нибудь в каталогах и удивляет нас необычными покупками - я не говорю сейчас о его коллекции дорогих машин и мотоциклов, я имею в виду всевозможные каяки, каноэ, арбалеты для охоты или какую-нибудь необычную одежду с электроподогревом. Но покупает он их, похоже, как

коллекционер - не замечал, чтобы Тони когда-либо пользовался всеми этими приобретениями.

А Хозе, в свою очередь, сообщил нам, что к годовщине своей свадьбы он решил сделать жене подарок. Его дочь Ванесса одобрила это намерение и помогла найти какое-то красивое кольцо. Но когда Хозе узнал, что оно стоит три с половиной тысячи долларов, он тут же отказался от этой юбилейной затеи. Тони удивляет эта скарденность Хозе. Хозе получает как и Тони 80 тысяч в год, и еще столько же он зарабатывает сверхурочными. И у него много заказов на стороне. Не облагаемых налогом, кстати. То есть даже по американским меркам он состоятельный человек. При этом он покупает только поддержанные автомобили, фотокамера у него разового действия за пару долларов, в кино он не ходит, чтобы не платить 10 долларов, а ждет, пока фильм не появится на видеокассете, чтобы посмотреть его за доллар.

Но тут Тони, который любит нам пустить пыль в глаза, делает промашку. Он рассказывает, как он ловко исправил свой холодильник, обмотав дверь изолентой. Зильберман, услышав это, встает и неожиданно обращается к нам.

- "Алекс, Хозе, - торжественно начал он, - этот парень купил "Ягуар" за 50 тысяч долларов и не может найти пару долларов, чтобы привести в порядок холодильник!"

Тони громко издевательски хохочет и даже машет нам с Хозе руками, чтобы мы его поддержали. Тони сперва теряет дар речи от такой наглости, но потом отвечает:

- "Это ты потому так говоришь, что завидуешь мне, что у меня "Ягуар"!"

- "Ну почему же, - говорит Роберт, - у меня тоже есть машина, но она стоит 10 тысяч. Я не хочу хвастаться перед соседями, что у меня самая дорогая машина в районе. Мне не нужна машина для престижа, она мне нужна для дела."

- "Каждый вкладывает деньги в то, что ему нравится, - вмешивается в перепалку миротворец Хозе, - я, например, покупаю старую машину за три тысячи, езжу на ней три года, а потом выбрасываю и покупаю другую. Я посчитал, что так выгоднее и на страховке экономлю"...

- "А вообще есть у меня мечта - закатывает глаза Хозе, - купить машину, выпущенную в год моего рождения. Но это уже антиквариат - стоит слишком дорого!"

- "А я, - опять продолжает Тони, - хочу купить новый мотоцикл, вот такой!"

И Тони показывает нам фотографию огромного никелированного двухколесного чудовища.

- "Зачем тебе еще один мотоцикл?"

- "Понимаете, мы с женой каждый уик-энд выезжаем за город на мотоцикле подышать свежим воздухом. А Синтия располнела и ее зад уже не помещается на сиденье. Вот мы и решили купить более крупный байк. Вы же знаете, что я состою членом Христианской ассоциации мотоциклистов, мы выезжаем, в частности, с демонстрациями протеста против абортот".

Действительно, Тони носит куртку с большим крестом на спине - эмблемой этой организации - и похож в ней то ли на крестноносца, то ли на мушкетера. Тони переходит к следующей любимой теме - сохранению здоровья:

- "Я каждый день недалеко от своего дома вижу группу пожилых китайцев, которые по утрам делают китайскую гимнастику "тай чи". И я решил ее тоже делать. Купил себе видеокассету с этими упражнениями и стал их выполнять по утрам. И знаете, я стал себя чувствовать гораздо лучше. Все-таки у китайцев древняя культура, и что-то они

научились делать. И поглядите на китайцев - все они поджарые и никогда не скажешь, сколько им лет, то ли сорок, то ли сто. Раньше я занимался йогой, у индийцев тоже древняя культура, но йогу надо делать в помещении, а тай чи на свежем воздухе. И тай чи, конечно, легче выполнять, чем йогу..."

Это уже далеко не первое увлечение Тони. Он все время находит себе какое-нибудь новое занятие, потом быстро бросает ради еще более интересного или, как он считает, более эффективного.

После обеда Ларри отправляет Тони в административный корпус - провести новую линию для компьютеров. Эта линия - для начальства, и эти работы Ларри заставляет делать в первую очередь.

На этот раз я вскакиваю первым. Но Тони меня останавливает:

- "Алекс, не торопись! Запомни, лучше быть вторым, потому что первого всегда пристреливают!"

Я притормаживаю и говорю Тони:

- "После тебя, я буду вторым".

- "Быстро учишься, Большой Эл!" - смеется Тони.

Большим Элом он называет меня из-за моего небольшого роста. И мы двигаемся в административный корпус.

Чтобы протянуть новую линию, надо было лезть в технический этаж между навесным потолком и перекрытием, темное и узкое пространство, в котором невозможно встать в полный рост... Все забито инженерными конструкциями: огромные вентиляционные короба, водопроводные и санитарные трубы, трубы с электропроводкой, с телефонными кабелями. Прекрасные декорации для голливудских боевиков и фильмов ужаса. К тому же страшная духота. Тони в этом тесном пространстве не развернуться, да и потолок его не выдержит, и он посылает меня. Я слышу как он, смеясь, говорит полицейским: "Почему мы держим таких маленьких электриков - чтобы они могли пролезть в любую дырку в техэтаже..."

Чтобы протащить провод от электрической панели в нужное место, какие-то там жалкие пару десятков метров, надо где ползти на животе под трубами, где пролазить в узкую дыру, образованную вентиляционными коробами, где пытаться обойти какие-то капитальные стены и все это с фонариком в зубах, так что теряешь ориентацию в пространстве и вообще не знаешь, найдешь ли дорогу обратно. Вспоминается роман Майн Рида "Морской волчонок", где мальчик спрятался в трюме, а потом долго в темноте пробирался со дна трюма на поверхность через всех грузы.

Под ногами легкий подвесной потолок, который в любую минуту может провалиться. Плиты потолка привинчены к швелерам длинными шурупами, которые, естественно, проходят сквозь плиты и торчат остриями вверх, и я как йог ползу, опираясь ладонями и коленями на острия этих шурупов... Весь мокрый от пота, дышишь многолетней пылью и ее же собираешь рубашкой и брюками, не говоря уже о колтуне на голове. Итак, Тони внизу готовит материалы - нарезает трубы, готовит провода, а я все это хозяйство монтирую наверху, на этом тесном чердаке. Радиопередатчики в тюрьме разрешено иметь только полицейским. Поэтому мы с Тони перекрикиваемся. Я не слышу его, он меня. А если и слышит, то не понимает и кричит, чтобы я говорил по-английски, а не по-русски. А мне еще надо соединять провода под напряжением в 277 вольт. Хватаешь извивающийся провод левой рукой, как кобру за шею, за изолированную часть, правой

отделяешь второй провод, провода искрят и шипят как змеи, но той же правой рукой накидываешь на провод под напряжением изолирующий колпачок (wire nut) и можешь теперь безопасно работать. Наконец я в спешке заканчиваю проводку и весь грязный и потный вылезаю из чердака. Нам надо немного передохнуть, говорит Тони, и ищет место, где мы не бросаемся в глаза начальству. В электрощитовых сидеть невозможно - там противно гудят трансформаторы, да и от тех же трансформаторов страшная жара. Поэтому лезем на крышу, якобы проверить моторы вентиляционных установок. Чайки уже вывели своих птенцов и нас не атакуют. Над нами серые гуси сбиваются в косяки, готовятся к перелету. Среди них забавно выделяется один белый. Но в Штатах даже у животных политкорректность - никто белого гуся не пытается изгнать из стаи, ни, тем более, заклевать, как я где-то читал.

Тони пристраивается в тени со своей неизменной Библией - сколько можно читать одну и ту же книгу? Я рассматриваю Манхэттен, Бронкс и Квинс - с крыши тюрьмы их хорошо видно. А около нас вьется крупная бабочка - ей зачем-то нужно пролететь в нашем направлении. Но ее отгоняет шмель. Бабочка испуганно отлетает, а потом предпринимает новую попытку, но шмель начеку.

Мы возвращаемся в мастерскую. Там Хозе о чем-то разговаривает с Зильберманом.

- "О чем разговор, о политике или о религии?" - спрашивает Тони.

- "Да нет, говорим о семейных проблемах"

- "О shit, это еще хуже, чем политика"

- "Да, кстати, Хозе, как дела со свадьбой твоей дочери Ванессы?"

- "Сумасшедший дом, - отвечает Хозе, - сняли ресторан, пригласили пару сотен гостей со всей Америки и Пуэрто-Рико! Одни костюмы для жениха, невесты, родителей, сопровождающих лиц чего стоят! Тоже мне миллионеры! А сами, - вскипает Хозе, - свет в ванной, что жена, что дочь никогда не тушат! Душ примут, а свет забывают потушить, всю ночь горит, сколько долларов набегают! Я уже таймер установил - 15 минут и свет отключается. Нечего часами плескаться!"

- "Хорошая идея, - одобряет Тони, - тем более вода тоже дорого стоит.

Кроме того, женщины в ванной везде свои волосы оставляют, канализация засоряется."

Как всегда, деликатно постучавшись, к нам заходит супервайзер Ларри Вэнн:

- "Hi boys! У нас есть еще что делать на сегодня?"

Но Тони втягивает его в обсуждение вечной проблемы отцов и детей.

- "Когда я закончил школу и хотел пойти учиться в колледж, - вспоминает Тони, - родители мне сказали: очень хорошая идея! - А деньги? - спросил я. - А деньги - это твоя забота, - ответили мне. Так я и не получил высшее образование. А за учебу своей дочери я уплатил 40 тысяч долларов! И что! Дженифер подходит ко мне и говорит, что у нее долгов за время учебы еще на 40 тысяч. За машину, рестораны, поездки куда-то. И я ей ответил - за твою учебу 40 тысяч я заплатил, а за свои развлечения расплачивайся сама! А то эти дети на голову готовы сесть!"

- "А я, - подключается Хозе, - купил своей младшей дочери, когда она была студенткой, машину. Поддержанную - у меня самого не новая машина. Так дочь возмутилась! И я ей ответил, что у меня первая машина вообще была лошадь! Когда я начал работать мальчишкой, мне дали телегу с лошадьёю! А как, Тони, твоя дочь ухитрилась набрать долгов на сорок тысяч?"

- "А брала всё, не думая, на кредитные карточки!"

- "Понятно, - ответил Хозе, - у меня дома было что-то похожее, так я забрал у всех кредитные карточки, взял ножницы и все карточки порезал!"

- "Да, - подсоединился к разговору Зильберман, - детей нельзя баловать, а то они быстро сядут тебе на шею. Моя дочь как-то сломала дверь в своей спальне и потребовала, чтобы я ее отремонтировал. Я ей сказал: ты сломала, ты и отремонтируй. Она отказалась. Тогда я просто снял дверь с петель. Сын пришел просить за сестру, как же так, у взрослой девушки спальня без двери. Но я стоял на своем и через неделю дочь пришла извиняться".

- "И у меня была похожая история, - засмеялся Тони, - моя дочь попросила меня установить вентилятор под потолком у нее в комнате. Хорошо, согласился я, купи вентилятор, и я помогу его установить. Но это твой дом, отвечает мне дочь, ты купи вентилятор. Нет, ответил я ей, тебе нужно, ты и покупай!"

- "А то у старшей сестры моей жены, - продолжал Тони, - есть сын, так она до того его разбаловала, что он в пятнадцать лет нахально привел в свою комнату какую-то девицу и мать не посмела его остановить. Да я бы потребовал, чтобы дверь во время этого свидания всё время была нараспашку! И что в итоге? Этот сын, а ему уже больше тридцати лет, так же живет со своей матерью, причем не платит ни копейки за жилье!"

Все вспоминают сегодняшний репортаж по телевидению, как очередная сорокалетняя учительница католической школы затащила к себе в постель пятнадцатилетнего подростка. Больше всех падением нравов возмущается Тони:

- "Вроде бы очень симпатичная женщина, стройная, с хорошей фигурой, и физиономия ничего, могла бы позвать любого взрослого мужика, никто бы не устоял, зачем же детей совращать?!"

- "Ну зачем же ей такой как ты, - смеется Хозе, - она хочет чего-то посвежее! А если говорить серьезно, то у нас формальные и часто глупые законы. Парень в 18 лет достаточно взрослый, чтобы пойти в армию и умереть в бою. Но он недостаточно взрослый, чтобы выпить кружку пива. Что за глупость?! То же самое с этими пятнадцатилетними парнями и девицами. Одни в свои пятнадцать лет взрослее двадцатилетних, а другие в двадцать еще дети. Надо подходить индивидуально!"

. - "У меня есть к тебе, Тони, один религиозный вопрос, как к рыцарю Ордена Колумба" - начинает Зильберман.

- "Так что за вопрос?" - подозрительно переспрашивает Тони.

- "Мой сын, которому 35 лет и он работает учителем в начальной школе, подрабатывает у меня бухгалтером. Я сдаю в наем квартиры, а сын рассчитывается с жильцами. Так у него никогда баланс не сходится. Он же работает учителем и не может сложить столбиком несколько цифр. За что я плачу ему 150 долларов?"

- "Ну что ж, - отвечает Тони, - моему сыну 28 лет, и он такой же разгильдяй!"

- "Вы только посмотрите на Тони, - прерывает его Роберт, - я ему рассказываю о своем сыне, жду дельный совет, а он вместо этого начинает мне рассказывать о своем сыне..."

Вмешивается Хозе:

- "Роберт, твой сын не может подвести баланс, потому что он работает не в своем, а в твоём бизнесе. Когда моя дочь Бланка жила с нами, она покупала самые дорогие туфли (потому что я за них платил), а когда вышла замуж, сразу стала покупать туфли в магазине дешевой обуви "Payless shoes".

- "И вообще - продолжает Хозе, - я поставил своим детям условие, что я буду их содержать, пока они будут учиться. Если же они бросают школу, то должны идти работать, причем половину заработка отдавать матери. Так сын быстро сбежал от меня, не захотел делиться своими деньгами..."

- "Это кто, старший сын Роберт?"

- "Нет, младший, Хозе. А со старшим была следующая история. Он бросил свою жену и двоих детей. Но платил им каждую неделю по 50 долларов. Его бывшая жена была тихая доминиканская женщина и была рада и этим деньгам. Но Роберт стал ей потом платить по 25 долларов, а потом и вовсе перестал платить. Та в слезах пришла к моей жене. Так Мария не стала читать сыну нотации, схватила невестку за руку и потащила ее к адвокату. И что? Суд присудил Роберту платить своей бывшей жене по 125 долларов в неделю!

Теперь у младшего сына, Хозе, нелады с женой. И Хозе потихоньку переписывает свое имущество на других лиц. Но он плохо знает свою мать. Эти фокусы у него не пройдут. Мария своих внуков в обиду не даст!"

- "Но я молчу, - добавляет Хозе, - и вообще всеми деньгами распоряжается Мария. У меня даже кредитной карточки нет. Я ухожу на работу, Мария мне выдает 20 долларов..."

- "У меня та же история, тоже нет кредитной карточки, - грустно присоединяется Тони, - все деньги у Синтии. I drank like a fish. И после того, как я несколько раз пропил все деньги в баре..."

На это мгновенно реагирует Роберт Зильберман:

- "Этим женщинам от нас нужно одно, только одно, - и, выдерживая эффектную паузу, заключает, - только одно. Деньги!"

И грустно добавляет:

- "You fuck her once a week, and she fucks you all seven days!"

Разговор прерывает Ларри и отправляет Тони, Гордона и меня в Башню менять лампы на высоком потолке.

По дороге вижу зэка в странных цилиндрических перчатках. Зэк, замечая мое удивление, скалит зубы и приветственно машет мне своим цилиндром. Спрашиваю Тони, что это за странные перчатки, разве можно в таких работать.

- "А это, - объясняет мне Тони, - надевают на тех заключенных, которые пускают в ход бритвы. Для безопасности окружающих. А на тех, которые плюются надевают железные маски".

Башня - как раз для самых опасных преступников. Одиночные камеры в два яруса. В камерах каменная кровать, каменный стол, умывальник и туалет. В каждой комнате на столике Библия или Коран. И гора порнографических журналов. Стены исписаны лозунгами. В основном религиозного содержания, типа - "Я верю, что Бог не оставит меня!"

Мы закатываем в зал тяжелый подъемник. Уголовник из ближайшей к нам камеры громко сообщает остальным:

- "Пришли техники. Один белый, один черный и один...", - тут уголовник останавливается и задумывается.

Я залезаю в люльку, меня поднимают под потолок и я оказываюсь на уровне второго яруса камер. Черный уголовник оказывается как раз напротив меня. Он внимательно вглядывается в мое лицо и бормочет:

- "Irish? Russian? Jew? Looking like Jew!"

Эти уголовники очень наблюдательные и уже уловили, что эмигранты из России разные. А может им в этом помогли разобраться уголовники из России, которых в нашей тюрьме уже довольно много. И вот, решив для себя задачу моей идентификации, зэк стал орать на всю тюрьму:

- "Fucking Jew! Hitler killed six millions Jews, why he didn't kill all of you. Nail Hitler! Zig Nail! Zig Nail!"

И уголовники обоих ярусов восторженно подхватили:

- "Zig Nail! Zig Nail!"

Тут уже Тони не выдержал и обматерил их. Но им это только и надо, дополнительное развлечение. Полицейские же на это внимания не обращают. Они подобные концерты каждый день выслушивают.

Я, Гордон и Тони возвращаемся в мастерскую. Хозе и Зильберман продолжают свой разговор.

На этот раз разговор идет о пенсии. Они ровесники и оба достигли пенсионного возраста.

Хотя Хозе обычно отвечает, что не собирается уходить на пенсию и будет работать, сколько возможно.

Зильберман же определенно собрался на пенсию, и каждый рабочий день он начинает как солдат последнего года службы:

- "Мне осталось работать до пенсии столько-то дней!"

- "А что ты будешь делать на пенсии?", - удивляется Хозе такому стремлению Зильбермана на пенсию.

- "Как что, - в свою очередь удивляется Роберт, - буду путешествовать по миру, буду чаще ходить в свой гольф-клуб, буду активнее участвовать в жизни синагоги!"

Зильберман - прихожанин реформистской синагоги, которая, насколько я понял, скорее похожа на его гольф-клуб, чем на синагогу.

В нашей с Хозе бригаде более философские настроения. Хозе смеется над молодыми Тони и Гордоном и говорит, что лично он все чаще смотрит через забор. - "Через забор, - поясняет он, - отделяющий двор позади моего дома на Стэйтен-Айлэнде от местного кладбища".

- "А вы слышали, что у нас будет новый супервайзер? Ларри переводят в женскую тюрьму!"

- "Да, не повезло ему, - посочувствовал Тони, - нет места хуже. Разве что только в тюрьме для подростков. Я как-то работал в этой тюрьме, рядом было несколько зэчек, так они стали кружком вокруг нас и одновременно задрали юбки. Ну и мерзость!"

- "Со мной тоже был случай, - перебил Тони Роберт Зильберман, - Я работал у них в тюрьме. Делаю свою работу, внимания на них не обращаю, но чувствую, что все они на меня почему-то уставились. Я не понимаю в чем дело, неприятное чувство, поднимаю глаза, а напротив - душевые. И одна уголовница туда зашла, а занавеску специально не задернула, и остальные наблюдают за моей реакцией..."

- "Ну и что?"

- "Ну и что... Фигура у нее была хорошая, но я опять уткнулся в свою работу...А что было делать?"

- "Да, ничего нет хуже женщин-заключенных, но и полицейские- женщины не намного лучше, - вспомнил свой случай Хозе, - как-то две полицейские дамы допекли меня, что замок одной из камер плохо работает. А позже оказалось, что они имели секс с заключенным в этой камере и поэтому так беспокоились о замке"

- "Эти женщины для заключенных готовы на все, - внес свой вклад Тони, - я работал с напарником у нас в тюрьме в помещении для свиданий заключенных с родственниками. Устанавливал розетку в дальнем углу. Вижу, рука зэка под столом лезет под юбку к девице, которая пришла его навестить. Толкаю своего напарника, а он мне говорит: - Нет, это не любовь. Просто она ему какую-то контрабанду принесла, наверное, наркотики".

- "А вообще я отсюда хочу уйти, - продолжает Тони, - надоела мне эта тюрьма. Я уже подал заявление о переводе".

Мне Тони уже говорил, что ему надоела конфронтация с Хозе и Гордоном и с начальством, и он хочет сменить место работы.

- "They break my balls, I will break theirs! This is bottom line!"

Неожиданно Хозе, который всегда говорил, что на своем стуле, на котором он просидел уже пятнадцать лет, он намерен просидеть до пенсии, а может и дольше, тоже заявляет, что и он немедленно все бросит и уйдет, если ему предложат работу в любом другом месте.

- "А это все, Аллен, - и Хозе указывает на гору мусора на своем столе, - будет твое!"

Тут и Гордон просыпается:

- "Я был у доктора, они меня посылают на новое обследование, что-то тест не очень хороший и, возможно, меня не будет на следующей неделе, а, может, и вообще".

Похоже, наш рабочий коллектив разваливается.

- "Человек строит планы, а Бог смеется над ними!" - изрекает Тони.

- "От судьбы не уйдешь! Я вам расскажу нашу семейную историю, - вклинился в разговор Фрэнк, - я наполовину австриец, наполовину - сицилианец. Мой дед со стороны матери жил в маленьком городке под Палермо. Когда началась Первая мировая война и деда должны были забрать в армию, ему было семнадцать лет, и он убежал от призыва в США. Здесь он встретил мою бабушку. Она оказалась из того же городка под Палермо, но они не знали друг друга до этого. Они поженились. А деда все равно забрали в армию, но уже в Штатах, и отправили на фронт. От судьбы не убежишь!"

Рабочий день закончился и мы собираемся домой. Фрэнк откуда-то вытаскивает роскошный букет из двадцати одной желтой розы. Оказывается, он его заранее купил жене по случаю 21-й годовщины их свадьбы. Все полицейские дамы, идущие нам навстречу, ахают при виде букета.

- "It's for me?" - кокетничают они с Фрэнком, не зная, с кем имеют дело.

- "No problem, - мгновенно отвечает он, - are you busy tonight? Could be yours!"

Дамы теряются от такого нахальства и не знают, что ответить. На проходной мы опять расписываемся, на этот раз об уходе.

Тони Пикорелли, как обычно, где-то забыл ручку и просит Фрэнка одолжить ему свою. Фрэнк не упускает случая воткнуть в Тони шпильку:

- "Получаешь 80 тысяч в год и не можешь купить себе ручку?"

Тони обращается к Пробсту:

- "Ты работал сегодня один?"

Фрэнк вмешивается:

- "Я работал с Пробстом"

Артур ядовито отвечает:

- "Это и имеется в виду, что я работал один!"

- "Вы хотите меня оскорбить", - обижается Фрэнк.

Мы все загружаемся в маленькую машину Хозе. Под тяжестью толстяков Фрэнка Штроза и Артура Джерковича машина проседает. Пробст продолжает цепляться к Фрэнку:

- "Может, мы выкинем Штроза и скорость резко увеличится?"

В машине Джеркович продолжает нас развлекать:

- "Какой свежий воздух, не то что в тюрьме. Какой прекрасный вид!", - и он указывает рукой на панораму Манхэттена.

- "Сточная канава!", - мгновенно парирует Артур Пробст.

- "Может, ты и прав, - отвечает Джеркович, - но только я хотел поднять вам настроение".

- "А это что за мусор? - и он протягивает Фрэнку сверток, - выбрось-ка ты его"

И Фрэнк выбрасывает сверток в открытое окно. Тот исчезает где-то в пыли.

- "Это моя одежда", - спохватывается Пробст.

- "Да, - невинно удивляется Фрэнк, - мне сказали "Выбрось", я и выбросил"

- "Ты что, Фрэнк, шуток не понимаешь, - орет Джеркович, - Хозе, останови машину".

Как будто Арчи не знает Фрэнка. И под хохот всей компании толстый Джеркович, задыхаясь, бежит за свертком.

Так под шуточки сантехников Пробста и Джерковича Хозе довозит нас до стоянки машин.

- "Еще один день" - меланхолически произносит Фрэнк, и мы расходимся по своим машинам.

Похолодало и в теплые края собираются гуси. На нашем Острове с тоскливыми воплями они строятся в походные колонны - недостроенные треугольники. На языке электриков эта фигура называется "открытая дельта"...

Уже темнеет. Выезжаю на хайвэй и вливаюсь в трехрядный поток машин. Я вижу впереди себя только красные сигнальные задние огоньки, самих машин не видно, и эта красная река тянется аж до горизонта. А по встречной - тоже трехрядной полосе - я вижу только фары набегающих машин, и эта серебряная полоса тоже теряется где-то в бесконечности.

Третий рельс

(Заметки о работе в нью-йоркском метро)

Профессору Майерсону предложили работу в MIT. От таких предложений не отказываются. И лаборатория Майерсона в Политехническом университете Бруклина, или как он её громко называл Центр исследования кристаллизации, закрылась.

- "Алекс, - сказал мне Майерсон на прощание, - я не могу рекомендовать тебя на преподавательскую работу. За эти пять лет твой английский лучше не стал!"

Как это лучше не стал? Я стал понимать почти всё, что мне говорили, и меня, как мне казалось, тоже понимали. Конечно, я не мог говорить как профессор Майерсон, и не смог бы, даже если бы я родился в Штатах, но всё же ...

- "Но я договорился с профессором Кале Левонем, - утешил меня Майерсон, - он возьмёт тебя на год в свою лабораторию полимерной химии научным сотрудником, а там видно будет..."

Ну что ж, спасибо Алану Майерсону за то, что уезжая в Бостон он не бросил своих бывших сотрудников на произвол судьбы. Хотя к химии полимеров я даже отдалённого отношения не имел...

Левон положил передо мной стопку докторских диссертаций своих аспирантов-китайцев, чтобы я ознакомился с тематикой лаборатории. Я открыл первую сверху. С таким же успехом она могла быть написана на китайском. Я с тоской посмотрел на эту гору диссертаций и понял, что этот Эверест мне не покорить. Особенно когда тебе за пятьдесят ...

Тем не менее я сделал Левону одну экспериментальную работу по фазовым равновесиям и одновременно сдал городской экзамен на электрика. Экзамен, который, естественно, оказался намного проще современной полимерной химии. И меня пригласили на работу в метро города Нью-Йорка.

- "Все же уходишь, - не очень настойчиво пробовал остановить меня Левон, - может еще немного поработаешь, а то мне не на кого оставить студентов на летнюю практику?"

Но видя мою решимость, насмешливо добавил:

- "Конечно, городская работа - это тот же социализм, от которого ты сбежал из России"

И я приступил к работе помощником электрика в городском метрополитене. За мои первые пять лет жизни в Нью-Йорке я познакомился с городским метро как рядовой пассажир, теперь мне предстояло увидеть закулисную сторону жизни этого гиганта.

Наша группа новобранцев, одно из новых пополнений электриков для метро в 2000 году, состояла из 24 мужчин, в основном иммигрантов. Прежде чем допустить нас к работе, мы прошли двухнедельные курсы техники безопасности.

Нам объяснили, что такое тоннели метро, какую опасность представляют для работающих в тоннелях проходящие в нескольких сантиметрах от тебя поезда. Не забыли предупредить и о бомжах, живущих в этих самых тоннелях. И, главное, чтобы мы были очень внимательны при работе вблизи третьего рельса.

Третий рельс - это рельс, по которому подается постоянный ток под напряжением в 600 вольт к моторам поездов. И настойчиво повторили, что постоянный ток намного опасней переменного. А чтобы мы хорошо усвоили сказанное, нам показали, во что превращается мощный рельс во время короткого замыкания. И предложили представить себе, во что при этом мог превратиться человек.

Запугав окончательно тоннелями и третьим рельсом, меня тем не менее отправили не под землю, а помощником электрика проверять силовые подстанции.

Силовые подстанции разбросаны по всему городу. Иногда это отдельные здания, иногда подвальные помещения. Работают они в автономном режиме. Многие из них ровесники самого метрополитена. И внутри напоминают иллюстрации к романам Жюль Верна. Огромные старинные ртутные выпрямители, мощные трансформаторы, везде проходят широкие медные шины. Под напряжением, естественно. Работать приходится в непосредственной близости от этих неизолированных проводников, так что чувствуешь себя не очень комфортно.

Работа наша состояла в том, что в течение смены, а длится смена 8 часов, мы осматривали с десятков подстанций, проверяли, все ли там нормально, сообщали об этом в главный диспетчерский пункт. Собственно, осмотр производил электрик, я же только стоял у него за спиной, а основная моя работа была вести машину от одной подстанции к другой.

Правда, иногда меня оставляли дежурить на подстанции всю ночь. На какой-то участок тоннеля в это время выезжала работать бригада. В центре управления метро в Манхэттене на этом участке снимали напряжение с третьего рельса. Звонили мне на подстанцию. И я длинной штангой с крючком на конце дергал большой рубильник и докладывал в центр, что цепь разорвана, я вижу этот разрыв и рабочие могут выходить работать на пути.

И я должен был всю ночь следить, чтобы никто случайно не включил опять этот рубильник. Хотя напряжение на рельс подают из Манхэттена. Такая двойная защита. А утром операция повторялась. Я включал рубильник. А центр подавал напряжение. Такая ночная работа, конечно, дополнительно оплачивается.

В основном я работал в паре с двумя электромонтерами по очереди, неделю с одним, неделю с другим. Один из них мистер Эдвардс, эмигрант из британской Гайаны. Второй – мистер Смит, кажется, рожденный в Штатах. Оба они чернокожие, люди моего возраста, проработавшие в метро всю жизнь.

У Смита больные ноги, он с трудом передвигался и он с удовольствием доверил мне руль, сам же в роли капитана только отдавал команды: «Право руля», «Лево руля», «Так держать!». Когда он со своими больными ногами спускался по крутым лестницам в подстанцию, на это было больно смотреть. Зато с ним не было никакой спешки.

У него что-то еще было не в порядке и с почками и на каждой станции он как собачка должен был отметиться. Иногда это новая современная подстанция, огромная как залы Эрмитажа, и в ней есть и комната отдыха, и душевые, и туалеты. А иногда это станция начала века, похожая на заводы Демидова на Урале во времена Петра I или иллюстрации к Дантову аду, на таких подстанциях никаких удобств для людей не предусмотрено и Смит тихо пристраивался где-нибудь в уголке станции

Эдвардс же выглядел довольно моложаво и я его раздражал своим неспортивным видом. И вообще он относился ко мне подозрительно. Узнав, что я из России, Эдвардс долго выпрашивал у меня, живут ли в России чернокожие и какая была моя реакция, когда я впервые увидел черного человека. Я пытался ему рассказать о социалистическом интернационализме и о том, что судить о человеке по цвету кожи, все равно, что судить об автомобиле по цвету кузова. Но у Эдвардса, по-видимому, другой опыт.

Особенно Эдвардсу не нравилось, как я вожу машину. Сами он водил машину как сумасшедший – в одной руке телефон, в другой бутылка с пепси и все это на дикой скорости около ста миль в час. В итоге Эдвардс мне сказал, что он вскоре собирается на пенсию (после 26 лет работы в метро). И он очень хочет выйти на пенсию минимум - живым, а максимум - не калекой. А с таким водителем как я, он в этом не уверен.

Наш большой босс, когда принимал новобранцев на работу, говорил нам:

- «Главное для вас в первый год, чтобы я не знал вашу фамилию, и вообще не знал о вашем существовании, тогда вы здесь закрепитесь».

А у меня в первый месяц украли все документы, включая служебное удостоверение и служебные ключи от силовых подстанций. Правда через неделю благородные американские жулики прислали мне все домой по почте (кроме денег, разумеется), но через неделю мне все это уже было не надо, так как я отменил все старые документы и получил новые. Но на работе меня уже заметили.

Наша база располагалась в Бронксе, но обычно мы с Эдвардсом и Смитом работали в Гарлеме в ночную смену. Раз уж зашла речь о Гарлеме, меня поразило огромное количество брошенных домов с окнами, забитыми досками или заложёнными кирпичами. А на стенах проступают всякие еврейские знаки – меноры, могоиндовиды, надписи... Это были когда-то еврейские районы...

В Гарлеме я уже изучил свой маршрут, но однажды мне поручили перегнать машину из нашей базы в Бронксе на какую-то дальнюю базу в Бруклине и я заблудился (Нью-Йорк все-таки не деревня) и опоздал на полчаса, а меня ждала большая бригада и опять попал на заметку.

А как-то в ночную смену я в спешке (меня торопил тот же Эдвардс) забыл в машине ключи и захлопнул двери. Пришлось звонить в контору, ждать пока приедут оттуда и привезут запасные ключи. Всё это, конечно, не страшные преступления, я не сжёг подстанцию, но Эдвардс сказал мне:

- «Мистер Гройсман, ты становишься знаменитым!»

И Эдвардс накатал жалобу в администрацию, что я не умею водить машину и он отказывается со мной работать. Приехал представитель администрации, я сел за руль и мы стали ездить по Манхэттену. Тот, кто бывал в Манхэттене, знает, какое там сумасшедшее движение. И даже опытному водителю нелегко маневрировать в этом потоке машин и людей.

- "Да, - сказал чиновник, - надо бы тебе научиться ездить получше"

Хотя было понятно, что для езды по совершенно пустым дорогам ночного Гарлема моего умения водить машину было более чем достаточно, но администратор не хотел ругаться с известным скандалистом Эдвардсом.

И меня, до выяснения моей дальнейшей судьбы, но тем не менее как уже знающего силовые подстанции, временно приписали к группе специалистов телефонной связи. Я должен был их сопровождать, открывать им двери подстанции и следить, чтобы они не хватали голыми руками медные шины под напряжением.

Телефонщики базируются в Манхэттене рядом с знаменитым художественным музеем современного искусства МОМА. И вот на следующий день к 8 часам, как мне и предписано, я пошёл к телефонщикам и сообщил им, что я готов ехать с ними и открыть им двери любой силовой подстанции для работы.

Телефонщики посмотрели на меня с большим недоумением – они только что накрыли большой стол и предвкушали плотный и приятный завтрак. А тут я, непонятно кто. Мне предложили или присоединиться или отправляться ко всем чертям и приходиться через час.

Где-то в полдесятого, наконец, телефонщики закончили свой завтрак, мы уселись в две машины и поехали. Но вовсе пока не на подстанцию. Одному надо заехать на почту, остальные решили купить по дороге кофе, так как завтрака им не хватило, к тому же в бензобаке почти не было бензина и надо было ехать на заправку... короче, на подстанции мы появились в 11 часов.

Подстанция расположена в даунтауне Манхэттена на улице Дилэнси. У меня с этой улицей связана такая история. Когда-то много лет назад был я в командировке в Москве и мне там живущие в Москве друзья достали билет на закрытый кинопросмотр. И среди кинофильмов был один под названием "Улица Дилэнси". Действие фильма проходило в еврейском квартале Нью-Йорка как раз на этой улице.

И хотя это была незамысловатая мелодрама, меня во время сеанса вдруг пронзила мысль, что никогда я не буду на этой совершенно мне незнакомой улице Нью-Йорка. И вообще никогда я не выберусь за пределы этой тюрьмы, называемой Советский Союз. Запомнился мне почему-то этот бесхитростный фильм "Улица Дилэнси".

Но... никогда не говори никогда. И вот спустя 30 лет после того запомнившегося мне просмотра я работаю как раз на этой улице. Правда, сейчас здесь не еврейский район, а китайский. Это часть Чайна-тауна. Телефонщики что-то там проверили в течение часа, а в 12 часов, не важно на какой стадии работа, все бросается – время ланча, по-русски – обеда.

Обед – это святое дело! Долго обсуждается, куда поехать на обед. В конце концов прислушались к советам Джорджа. Джорджиу Муреску – это был относительно молодой парень из Румынии, который успел объехать полсвета и кем только он не работал, но главное он знал где самые лучшие рестораны и лучшие девушки.

Николай Буковский, бывший майор Советской Армии, от поездки в ресторан уклонился, у него с собой пирожок, который ему дала тёща. У меня ни тёщи, ни пирожка и я поехал со всеми.

По дороге включается радио на музыкальную волну и наш чёрный монтер Фрэнк Вильямс всё время подпевает певцам. У него хороший голос и он знает наизусть все шлягеры. Впрочем и остальные американцы их знают и тоже что-то там мурлыкают.

Наконец весёлой компанией подъехали к расхваленному Джорджем ресторану, который на поверку, к моему облегчению, оказался не рестораном, а довольно дешёвой забегаловкой.

Фрэнк, хоть он и мой ровесник, не пропускает ни одной более-менее смазливой девицы старше 15 лет, особенно если та в обтягивающих штанах, и свистит ей вслед. Некоторым это нравится и они смеются. Фрэнк считает себя молодым, рассказывает, что он следит за собой и, в частности, регулярно делает и маникюр, и педикюр, что стоит ему где-то около 15 долларов сеанс, чем живо заинтересовывает Джорджа.

Джордж все время развлекает нас беседами, в основном на политико-экономические темы. Говорит он забавно, произнося английские слова как будто они написаны на латыни, например «подпись» у него звучит как сигнатура, а не сигначэ. Но тем не менее все его понимают.

Фрэнк, который довольно агрессивен и не любит ни в чём уступать белым, всё время спорит с Джорджем. Наш белый американец, ровесник Джорджа, Кевин МакКейли, добродушный человек, пытается их примирить, примерно как рабай из анекдотов – и кто спорит - прав, и его оппонент - прав, и кто удивляется, как это могут оба быть правы - тоже прав.

Сам Кевин когда-то служил в морской пехоте где-то на Окинаве и любит рассказывать анекдоты из своей военной жизни. Он всё время расспрашивает меня о России и хочет съездить в Санкт-Петербург. Он образованный человек, знает и мировую, и русскую историю, литературу, и чего только он не знает, не то что его коллега Фрэнк, который мгновенно засыпает при любых разговорах, не касающихся еды или женщин.

Второй черный монтер Вилли, тоже по фамилии Вильямс (его возраст посередине между Кевином и Фрэнком), был в американских войсках в Германии и всё время вставляет в разговор немецкие слова. Мы с ним как-то обсуждали вопрос, познаваем ли мир или может быть это только наше воображение или чья-то игра (как в рассказе Станислава Лема о ящиках профессора Коркорана) причем разговор завёл Вилли. Обсуждение Вилли закончил неожиданно – хотя вопрос этот решить логически невозможно, но ответ о реальности мира дает нам Библия!

Обед наш затягивается на час, на обратном пути все решают, что надо выпить ещё по чашечке кофе, и к двум часам мы возвращаемся на свою подстанцию. При этом по дороге Джордж ухитряется еще ругать Америку за то, что это недостаточно социалистическая страна, что здесь богатые богатеют, а бедные беднеют.

Я, как уже гражданин Америки, возмущённо спрашиваю его или ему лучше было в Румынии при Чаушеску. При чём здесь Румыния, отвечает Джордж, там не было социализма, а была диктатура, а он имел в виду скандинавские страны, или Италию, или им подобные страны. Высшее образование должно быть бесплатным, медицина – бесплатной...

На станции телефонщики работают еще один час, до трех. И начинают собираться обратно. Но до конца работы еще час и снова они заезжают за чашечкой кофе и останавливаются где-нибудь в тихом месте, чтобы эту чашечку спокойно выпить. Когда я говорю чашечку – имеется в виду бумажный стаканчик. К четырем часам мы подъезжаем к своей конторе, где расписываемся об успешном завершении работы. Рабочий день закончен.

Мне понравилось работать с телефонщиками. Но ... начальство перебросило меня в кабельную секцию, в её отделение, расположенное в Бруклине. Это не Бронкс, куда я добирался из дома около двух часов, но это далеко и не центр Манхэттена с его музеями и театрами. Конечно, мне добираться сюда гораздо быстрее, но это – черный район, пользующийся не лучшей репутацией.

Вокруг много домов с разбитыми окнами или забитыми досками. Поздно вечером или ночью здесь не рекомендуется появляться. Впрочем, сейчас, говорят, стало лучше. Через дорогу от нашей секции расположено оригинальное здание, бывшая казарма, стилизованная под старинный замок, с четырьмя мощными башнями по углам.

В бедных черных районах поражает обилие маленьких церквушек, как впрочем и в районах, где живут ортодоксальные евреи, маленьких синагог. Причем это не церкви или синагоги в обычном виде, не отдельные здания со своей архитектурой, а секции жилых небольших домов, где над входом крест или могоидовид и название, часто причудливое.

Наша база расположена между двумя улицами: Атлантик авеню и Пасифик авеню. Внутренний двор, куда въезжают и выезжают наши машины, соединяет эти два океана, Атлантический и Тихий, как Панамский канал. А по крыше нашего склада проходит грохочущая линия метро.

На базе стоят огромные машины, напоминающие пожарные, с большими катушками кабелей, с лестницами и т.д. Здесь, на базе, люди переодеваются, получают инструменты на складах и бригады уезжают на объекты вдоль линий метро, где прокладывают кабели.

Но прежде чем допустить меня к работе в тоннелях, меня снова отправили на всевозможные курсы безопасности. И до окончания этих курсов я проработал на складе всю зиму. Увы, на холодном.

У нас два склада: теплый и холодный. Теплый склад - это буквально и фигурально теплое место, куда попадают люди, проработавшие лет 15-20. Это в основном итальянцы, люди уже не молодые, но энергичные. Все они невысокие, круглые и живые как ртуть. Ведут себя как дети. Непрерывно орут – еврейский базар по сравнению с этими воплями просто палата глухонемых.

При встрече обязательно разыгрывают шутливую драку с дикими воплями, маханием руками, в общем сплошной Голливуд. Или при встрече их любимый жест – ухватить приятеля между ног.

Утром они за полчаса выдают бригадам оборудование, вечером принимают. Остальное время слушают музыку, играют в компьютерные игры. В принципе они должны поддерживать чистоту на всей территории секции, но для этого есть новички. Здесь порядки как в Советской Армии. Вышестоящее лицо проходит по двору и видит какую-нибудь железку, валяющуюся не на своем месте и вместо того, чтобы за минуту ее переставить куда надо, оно будет полчаса орать:

- «Алекс, переставь железку отсюда туда».

Кроме минимальных начальников - ветеранов труда, есть официальные начальники: бригадиры и выше. Которых боятся и ветераны.

Однажды я наблюдал забавную картину. Большой начальник, проходя мимо, обругал итальянцев, что у них грязно на складе и приказал немедленно подмести пол. Начальство наблюдает, новичкам не перепоручишь. И бедный ветеран, который забыл с какого конца берет метлу, надел на себя противогаз, резиновые перчатки и стал мести пол. Это обычный склад, не химический, зачем ему противогаз?

Иногда встречи с начальством заканчиваются похуже. Как-то итальянцы, это их любимая игра, швыряли друг другу всякие тяжелые железяки, подражая каким-то американским боевикам. Они их ловко ловят и все обходится веселым смехом. Но на этот раз на склад зашел какой-то очень большой начальник и молоток пролетел в нескольких дюймах от его головы. Тут же бригадир Ник Панаролла был снят с работы. Я вместе с прочими работягами подписывал письмо с просьбой простить бригадира, так как он очень хороший работник и человек.

Но кроме шумных работников, застрявших на уровне детского сада, есть здесь и серьезные люди. Я как-то слышал как наш шофер, итальянец Рони Амброзио, объяснял кому-то как покупать бриллианты. Рассказывал, чем отличаются одни бриллианты от других, причем использовал столько терминов, характеристик, что было видно, что он действительно специалист в этом деле. И ведет он себя солидно, не как прочие. Мне

потом сказали, что их семья содержит похоронный дом, очень прибыльный бизнес, а на работу Рони ходит, чтобы совсем не было скучно, как в итальянский клуб.

Одно время я был на блатной работе – работал с итальянцами Джо Пеначио и Рони Амброзио. Работа состояла в том, что мы вечером подъезжали к какому-нибудь объекту метро, где, якобы, наблюдали за безопасностью работы смежников, даже не вылезая из машины, а утром уезжали обратно на базу. Надо сказать, что по отношению ко мне итальянцы поступали благородно – на заднем сиденье машины мы спали по очереди, хотя они работники с 20-летним или даже более стажем и могли бы меня не замечать.

Но вместе с тем удивляет простота нравов. Работаем в Манхэттене, центре мира. Пеначио говорит: «I need piss out», открывает дверь кабины и мочится прямо на мостовую. Что, проблема зайти на станцию метро, там есть служебные помещения для работников? Или возвращаемся мы на базу, и Амброзио прямо во дворе нашей базы расстегивает ширинку, ему трудно пройти пару метров в помещение, где есть туалеты. А так - не плохие люди.

А на холодном складе работаем я и китаец из Гонконга по фамилии Ю. Из-за этой фамилии ежедневно одни и те же шутки. Бригадир кричит:

- «You and You».

- "Me? "

- "Not you. I told: you and You.»

При этом бригадир все время повторяет:

- “Don’t work too hard! Don’t work too fast! You have all day!”.

Склад не только называется холодным, там таки холодно. А в теплый склад нас не пускают. Его оккупировали итальянцы и хотя они нам сочувствуют, но боятся, что начальство спросит, а что мы здесь делаем, если наше рабочее место на холодном складе.

Итак мы, как заключенные в тюрьме, заперты на этом складе. А сам склад похож на какой-то кафкианский мир. Бесконечные коридоры, переходы, лестницы вверх, вниз, какие-то тупики. Можно заблудиться. Но можно и спрятаться от начальства.

И вот как-то раз я забился в темный угол, нашел там теплую батарею, обнял рукой теплую трубу и забыл, что я на этом грязном складе. Кажется мне, что я прижался к теплому бедру, рукой обнимаю за талию...

И моя рука сползла с талии и поползла вниз... по трубе парового отопления. И тут сверху, из Космоса, раздался голос:

- “Hi, dude! What is your name?”

Смотрю, это огромный негр. Ну, черные любят общаться. И я ему отвечаю дружелюбно:

- “Alex. And what is yours?”

А он смотрит на меня недоумённо и молча уходит. Тут подбегает мой напарник и говорит:

- «Это же Джимми Ли, наш суперинтендант! В его присутствии нельзя сидеть, надо хоть делать вид, что работаешь».

Единственно, кто из нашей «холодной бригады» сидит в тепле, это мой формальный начальник Ральф Бисиньяно, он же профсоюзный лидер. На холодном складе я его не видел ни разу и вообще непонятно, что он делает. Когда я только пришел в эту секцию, ко мне подошел Бисиньяно, сказал, что он профорг и что я могу обращаться к нему за помощью при любом конфликте с администрацией.

И помощь вскоре понадобилась. Я был в какой-то очередной школе по безопасности, когда все остальные отдыхали, и мне забыли оплатить этот день. Я подошел к бригадиру, тот посмотрел на мой чек, не стал вникать и сказал, что мне всё оплатили правильно. Тогда я обратился за помощью в профсоюз.

Бисиньяно мне стал что-то объяснять, что мне не заплатили, потому что я работаю всего полгода и мне не положено оплачивать праздничные дни. И тогда мой напарник китаец Ю подошел к человеку, ведущему учет рабочего времени, тот позвонил в бухгалтерию и я вскоре дополучил свою сотню долларов. Так что, что профсоюз в Союзе, что здесь - одно и то же.

Зато Бисиньяно быстро организовал мне репутацию странного нелюдимого человека, не понимающего юмора. От того, что я не смеюсь их глупым шуткам и меня страшно раздражает их мат, особенно когда они пытаются материться по-русски, он решил, что я совершенно некомпанейский человек и не очень гожусь для работы в коллективе. Он даже подходил ко мне и спрашивал, отчего я не подхожу к их компании, не веселюсь вместе со всеми.

Я прошел все школы по технике безопасности. На одном из практических занятий мы учились спасать человека, потерявшего сознание где-то в тоннеле. Работали в парах. На нас одели автономные противогазы с баллонами со сжатым воздухом, вроде аквалангов. В тоннеле выключили свет, заполнили его к тому же дымом. Надо было отыскать куклу и с помощью лебедки вытащить её из тоннеля. Потом сделать искусственное дыхание. И все это за пять минут. Никому это сделать, конечно, не удалось. Тут и спецназу трудно справиться.

Да, еще один штрих. У нас в учебных группах было несколько верующих, носящих бороды. Этим верующих заставляют сбрить бороды, а то противогаз невозможно одеть. А им вера сбривать бороды не позволяет. И один пакистанец специально обращался за разрешением сбрить бороду к своему имаму.

По окончании школ по технике безопасности мы расписались, что все инструктажи пройдены, что мы обучены или по крайней мере предупреждены и в случае ЧП рассчитывали только на себя. И мы, наконец, можем выходить на работу в тоннели.

Работа в кабельной секции считается самой тяжелой. Когда я только пришел в метро и стал работать на силовых подстанциях, нас пугали кабельной секцией. Здесь действительно тяжелое оборудование, тяжелые кабели, работа при любых погодных условиях, приходится работать в сверхурочное время, включая выходные, но и заработать здесь можно вдвое больше, чем в других секциях.

Изучаю тайны профессии и коллег по работе. Тайн, впрочем, особых нет. Работа простая – прокладывать силовые кабели, сечением, по американским стандартам, в два миллиона так называемых квадратных милей, рассчитанных на напряжение 600 вольт и ток 1000 – 1500 ампер. Это толстенные тяжеленные кабели в свинцовой оболочке, похожие на удавов.

Приезжаем мы, обычно, за полчаса до начала работы и начинаем экипироваться. Кто помнит американский боевик «Первая кровь», когда Рембо готовится к бою, тот может представить и нашу бригаду перед выходом на работу.

Первым делом надевают тяжелые ботинки, носок которых закрыт металлом, чтобы защитить пальцы, если на ногу упадет какая-нибудь балка, а подошва ботинок способна выдержать напряжение в 600 вольт. Вспомни третий рельс!

Затем одноразовый белый костюм (из бумаги?), оставляющий открытыми только лицо и кисти рук. Должен защитить от пыли и всяких вредных веществ.

На голову надевается каска. От пули не спасет, но если на голову что-нибудь свалится, может и поможет. Если у нас, рядовых электриков, серые каски, то начальство носит белые. И если возникают какие-нибудь споры, начальник молча тыкает пальцем в свою каску и споры мгновенно прекращаются, потому что споря с начальством можно быстро вылететь с работы.

Нью-йоркское метро напоминает фильм Даниеля «Кин-дза-дза» из-за своих подземных сооружений. Но оно еще больше напоминает его из-за отношений между начальством и подчиненными. Валера Кравец, из Белоруссии, каждый раз обалдевает из-за сходства белых касок и малиновых штанов пацаков из этого фильма. Как видит человека в белой каске, сразу приседает и говорит «Ку». Но те его юмора, естественно, не понимают.

Затем надевают защитные очки. На руки – перчатки. И обязательно сетчатая красная жилетка со светящимися желтыми полосами, отражающими свет. Затем пояс, к которому крепятся электрический фонарь, нож, пассатижи, свисток(!).

Когда опускаемся в тоннель, на лицо надевают маску (противогаз) с фильтрами. Если работаем снаружи и идет дождь, то сверху напяливают еще резиновые сапоги, штаны и куртка с балахоном.

И во всем этом обмундировании надо еще и работать. А работа бывает физически тяжелая, так что через пять минут становишься мокрым от пота. И быстро скидываешь всю эту амуницию. Но иногда появляется начальство или инженеры по технике безопасности и могут быть скандалы: почему работаем без средств индивидуальной защиты.

За этим начальство строго следит и не дай бог поймает на работе без ботинок с изоляцией, жилета или без каски. Называется этот выходной костюм: пи-пи (от английского “Protective equipment” – Защитное оборудование).

Каждый раз перед сменой вывешивают списки бригад, состав которых меняется довольно часто. Так что я успел поработать со всеми бригадами, монтерами и помощниками.

Один из бригадиров – итальянец Майкл Кампилья. Он всем русским представляется как Запорожский. Почему Запорожский? Он видел американскую экранизацию «Тараса Бульбы» и ему так понравились запорожцы, что он не поленился выучить такое трудное для американцев слово.

Яркая личность, Любит во всю глотку, в любом месте и в любое время, громко петь арии из итальянских опер. И задирать всех женщин, невзирая на их возраст (и свой, он уже давно лысый и многим этим женщинам если не в дедушки, то в отцы точно годится). Дает советы нашей молодежи – покрывать своих жен, особенно в интересных местах, мороженым, а потом это мороженое слизывать.

Как-то я с ним пошел на обед. Подходим мы к раздаче и он говорит молодой девушке за прилавком, которая годится ему в дочери, а может и в внучки:

- “When will I fuck you?”.

Это он так пошутил и, по его мнению, сделал комплимент девушке. Впрочем, это такой район, что она и не такое слышала.

А также отпускает непрерывные скабрзные шутки, когда мы запускаем толстенный кабель в канал и смазываем его белым жидким мылом, чтобы он лучше скользил и нигде не застревал.

В общем, веселый малый, нас не заставляет перерабатывать и все с ним любят работать. Вместе с тем, когда мы проезжали район, кишущий религиозными евреями в своих средневековых черных нарядах, он с такой неприязнью о них отозвался, что меня покорило.

Второй мой бригадир - индеец Бхамик. Этот Бхамик наверное думает, что он не бригадир, а, по крайней мере, бригадный генерал.

- «Ничего не спрашивать, никаких вопросов не задавать, делать то, что я сказал!»

- «Уже час дня? Время обеда? Обед будет тогда, когда я скажу!"

- "Соглашение профсоюза с администрацией? Здесь я решаю, что делать!"

Однажды, когда нам нечего было делать, я пристроился в уголке с газетой. Меня увидел Бхамик и сказал:

- "Ещё раз увижу, что ты в рабочее время читаешь газету, уволю!"

- "Но сейчас нет работы!"

- "Неважно, ты в любую минуту должен быть готовым к работе"

Третий – чернокожий гигант Рэй. Он и с нами хочет ладить, и с начальством. Но с начальством ладить важнее и в итоге мы с ним работаем до упора и еще часто на час приходится задерживаться. Впрочем, переработка оплачивается.

Следующие в рабочей иерархии - это электрики, или монтеры, как их еще называют. Один из электриков, у которого я был помощником, - белый американец Майкл Голден. Приятный человек. И речь у него довольно интеллигентная. Хотя и от сленга он не отказывается, и покрыт татуировками, и увешан всякими золотыми цепями, и серьги в ушах. Но в Америке это не ассоциируется с уголовщиной. Всегда поможет помощнику, хотя мог бы этого и не делать, как другие монтеры со стажем.

Но при этом он как-то рассказал мне популярную здесь шутку:

- "Когда еврей говорит «Trust me», это надо понимать как «Fuck you».

Второй электрик, с которым я работал, был огромным черным парнем со знаменитой фамилией Карнеги. Он рассказывал, что он к тому же и резервист в армии и его часто призывают на сборы. Здесь много резервистов, наверное, это дает какие-то льготы. Но к резервистам жесткие требования. Чтобы быть резервистом, нужно, например, как минимум, за две минуты отжаться от пола сорок раз. Я попробовал, смог отжаться раз пять. И с такими ребятами мне надо было вместе работать

А потом этот черный богатырь приказал мне отнести его тяжеленную сумку с инструментами а машину. Я её с трудом смог оторвать от земли, а на мой недоумённый взгляд объяснил, что пока я только помощник электрика, а когда я стану монтером, то за меня тоже будут носить мою сумку с инструментами и я в будущем тоже получу свою порцию удовольствия от власти над другими.

Но при этом эти богатыри довольно нервные люди. Когда этот же монтер как-то бросил деньги в телефон-автомат, а тот не сработал и деньги не вернул, он вытащил свои монтерские пассатижи и перекусил армированный провод между трубкой и автоматом.

Самый большой стаж работы среди электриков у чёрного электромонтёра Гриффитса. Он смеётся по любому ничтожному поводу диким хохотом. При своей скажем

мягко не очень яркой внешности цепляется ко всем женщинам на улице, а потом пристаёт к коллегам с вопросом:

- «Правда, я ей понравился?».

Я как-то удивился, что это за странный не совсем психически нормальный тип. На что мне ответили:

- «Поработаешь 20 лет в кабельной секции, сам таким же станешь».

Самая большая группа у нас в секции - это помощники электриков. Одни начинающие, как я, другие - со стажем, почему-то не сумевшие или не захотевшие сдать экзамены на электромонтёра.

Это, в основном молодые здоровые ребята. Тон задают итальянцы. Они ведут себя очень шумно и непосредственно. Как-то я услышал следующий разговор в очереди во время обеда между нашим электриком-итальянцем и разбитной чёрной девицей.

- "I have six inches."

- "Inches of what?"

- "Of penis, of cause."

- "Wow!"

- "So, now I want to know about your hole."

- "Should I take off my panties right now or may be better you will give me your address?"

Это не потому, что они плохие люди. Наоборот, это жизнерадостные, весёлые ребята, они таким образом показывают свое хорошее отношение. Просто такой стиль.

Когда один молодой итальянец подошел ко мне с радостной улыбкой и сказал мне какое-то матерное слово по-русски, ожидая, как обычно услышать в ответ радостный смех, а увидел мою кислую морду, он смущённо отошел и пошел узнавать у других русских, в чем дело. А через пару дней он опять подошел ко мне и сказал по-русски: «Привет, пожалста».

Народ здесь вроде бы верующий. Итальянцы носят большие кресты поверх рубашек и традиционно не любят евреев, распявших Христа. Как-то при мне Галано, самый шумный из итальянцев, передразнивал известную еврейскую здравицу «Лехаим», добавив «fucking Israel»

Но не только итальянцы создают большой шум. Второй самый шумный человек в нашей секции, почти не уступающий им в этом, - египтянин Сабри, несмотря на свои 52 года... При этом страшный сачок. Раздражает всех и шумом и ленью.

Недавно его поймал начальник, что он работает без защитных очков. Сабри стал с ним скандалить, в результате у него отобрали служебное удостоверение и заставили писать объяснительную. А на следующий день Сабри всем объяснял, почему к нему придрались – естественно, потому что начальник оказался евреем (fucking Jew).

При мне он как-то объяснял китайцу Ю, почему все не любят евреев.

- «Ну, как же, - возражал Ю, - их вот во время войны сколько ни за что убили».

- «Вот за то и убили, что все не любят», - убедительно объяснил Сабри.

Среди помощников и Майкл Миллер, довольно молодой и очень толстый американец. Из-за того, что он знает английский намного лучше меня, ему кажется, что и всё остальное он тоже лучше меня понимает и всё время пытается мною командовать.

При том, что он редкий сачок, не меньший чем Сабри. В совершенстве освоивший искусство исчезать, как только надо выполнять какую-нибудь тяжелую работу.

- «Где Миллер, он только что был здесь?» - кричит бригадир.

А Миллера уже нет. И как только такая огромная слоновья туша может так быстро и незаметно растворяться – большая загадка. Спит себе в каком-нибудь вагоне, или машине.

Миллер ничуть не смущается своей полнотой. Раздевается до пояса, так что живот свисает над ремнем, накинет сверху нашу фирменную красную сетчатую жилетку и идет в таком виде по улицам в кафе. Не знаю как прохожие и посетители кафе, но наши индийцы, китайцы и прочие представители разных стран смущенно смеются при виде такого безобразия.

И у меня все время возникает вопрос (не только у меня, у трудолюбивых китайцев тоже), как это Америка с такими работниками, как Миллер, ухитрилась стать самой богатой страной мира.

Конечно, в метро работает и много "русских". Очень быстро мои земляки сообразили, что сдав несложные для нас экзамены здесь можно получить хорошо оплачиваемую работу.

Я как-то с одним из таких работал вместе на складе. Такой солидный крупный усатый человек, мой ровесник, еврей из Гомеля. По виду, бывший главный инженер. Полдня мы с ним молча убрали двор, ближе к обеду он меня спросил, откуда я. Я обрадованно, наконец завязывается разговор, в свою очередь спросил его, чем он занимался раньше. Но Флейтман, по-видимому решив, что на сегодня он уже достаточно наговорился, на мой вопрос не ответил. Не зря про белорусских евреев ходило множество анекдотов.

Заговорил он со мной только на следующий день. Во время перерыва мне Флейтман дружелюбно показал на перевернутое ведро:

- «Садись, передохни».

Я сел, а там вода. А он так невинно говорит:

- «А я думал, что я уже вытер ведро своей задницей».

Он до этого сел в лужу и не отказал себе в удовольствии посадить меня тоже. Но в общем-то он мне помогал как уже опытный электрик метро.

Здесь было несколько русских, которые работали в этой секции уже лет по десять. Один из них, Валерий Самойлович, как он уверял меня, был чуть ли не главный энергетик в прошлом, который принимал в эксплуатацию все электростанции Сибири. И вспоминал, как его возил на «Волге» личный шофер, (здесь он сам шофер). И как его каждый день поили. И даже девушек в номер поставляли. Мне в это, правда, трудно поверить, уж слишком он похож на Хлестакова.

Так вот он полностью вписался в эту итальянскую компанию. Тот же мат, такие же мерзкие грубые жесты и шутки, и это он один из тех, кто учит американцев русскому мату.

- «Итак, - говорит Валерий, - повторяем за мной: «Китайская жопа. Не китайски, а китайская. Не жопа, а жопа».

Потом пошли более крепкие выражения. Я еще понимаю, когда этим занимается мальчишка Женя Постолов, который не хочет или, скорее, не может учиться в университете и ему простительно. Но Самойловичу, которому под пятьдесят, зачем подлаживаться под необразованных итальянцев.

В этой секции уже лет десять работал и москвич Феликс Гурт. Он, как и Самойлович, водит большую машину, на которой возит нашу бригаду. Феликс постарше нас, ему за 60, но выглядит как голливудский киноартист, высокий, стройный, видно бывший спортсмен. Говорит, что был журналистом. А сейчас в свободное время пишет стихи и у него в Нью-Йорке даже вышел поэтический сборник. В отличие от итальянизированного шумного Самойловича, Гурт молчалив.

С Самойловичем у них война все десять лет по любому поводу. Как-то проходили выборы на какую-то профсоюзную должность. Были две кандидатуры: итальянца Сантанеллы и черного Финлэйтера. Ко мне подошел Самойлович и сказал:

- «Голосуй за Сантанеллу, а то эти черные нам уже на голову сели».

Увидев это, тут же подошел Гурт и в свою очередь сказал:

- «Голосуй за Финлэйтера, а то эти итальянцы захватили все теплые места и проходу нам не дают, а черные, по крайней мере, не боятся спорить с начальством».

Основная наша работа в тоннелях. Нужно вытащить старые кабели и заменить их новыми. Кабель в свинцовой оболочке и очень тяжёлый. Его вытягивают лебедкой. Затем кабель надо разрезать на метровые куски. Кабель мы режем тяжелыми гидравлическими ножницами.

В тоннеле душно, грязно, под ногами шмыгают крысы. К тому же с опаской посматриваешь на тот самый третий рельс, хотя напряжение с него должно быть снято. Нарезанные куски кабеля нужно отнести и сложить в железные бочки. А каждый такой кусок, наверное, весом с меня.

Работа тяжелая и наши сачки Сабри, Миллер и им подобные пытаются от этой работы уклониться. Однажды наш черный гигант Карнеги не выдержал, поднял Сабри в воздух и сказал, что если Сабри и дальше будет так работать, он, Карнеги, бросит Сабри под поезд.

Но мы работаем не только в тоннелях. Нам как-то нужно было проложить пару сотен метров кабеля по Манхэттенскому мосту вдоль линии метро. Приехали, вылезли на мост, а стоять приходится на шпалах и каких-то тонких деревяшках, внизу, в метрах пятидесяти или ста, черт его знает, чернеет Ист-Ривер, в ушах свистит ветер. Чувствуешь себя как матрос на мачте парусного корабля. Довольно быстро растянули кабель вдоль рельсов, теперь его надо было подвесить к металлическому тросу, натянутому где-то высоко над головой.

Разбились на две группы. Я с китайцем Ю двигаю одну лестницу в одну сторону от центра, другая группа – вторую в противоположную. А лестница длинная, тяжелая, ее ветром болтает, а китаец еще в полтора раза меньше меня. Наконец мы лестницу установили, по ней как кошка, вскарабкался монтер, веревкой подтянули кабель наверх, прикрепили к тросу, и мы передвигаем лестницу и опять та же процедура.

А уже темнеет, по одну сторону моста светятся всеми огнями башни-близнецы Всемирного Торгового центра, фантастическое зрелище, впрочем все видели ночной Манхэттен на фотографиях, по другую сторону – родной Бруклин...

Но любоваться особенно некогда, надо двигать эту чёртову лестницу. Ноги проваливаются в дыры между шпалами, думаешь, либо в реку свалишься и расшибёшься в лепешку, либо, в лучшем случае, ногу вывихнешь. Но отделался царапинами. И теперь понимаешь, почему здесь в основном работают черные атлеты. Им эту лестницу одной рукой ничего не стоит удерживать.

И тут Миллер проявил себя как большой законник. Он вдруг перестал работать и пошел звонить начальству, что уровень шума на мосту превышает допустимые пределы. Примчалось начальство, работу остановили, долго замеряли уровень шума. Оказалось, что уровень в пределах нормы, но на всякий случай Миллера от этой работы освободили.

А мы в полночь расписались об окончании работы, в час ночи я был дома, а к восьми утра надо снова быть на работе. Отработал кое-как, полусонный, в пятницу, а в конце дня меня спрашивают:

- «Хочешь поработать в субботу?».

И опять все кричат:

- «Чего ты его спрашиваешь? Кто же отказывается от денег?».

И в субботу выезжаю с бригадой на работу. Перекрываем участок улицы, открываем люки и спускаемся в тоннель. Наверху остается бездельник Миллер следить, чтобы никто из прохожих не свалился в люк и чтобы не угнали наши машины. Из тоннеля бригада вылезла только в 9 часов вечера, проработав 13 часов. Но работа еще не закончена и нам нужно приехать сюда на следующий день, в воскресенье.

В воскресенье работаем с 8 утра до 12 ночи, т.е. еще 16 часов (!), с двумя небольшими перерывами на обед. Да, эти американцы, когда надо, работают как бешенные. Но такой темп выдержать трудно. Все-таки и ночная работа, и тяжеленные кабели далеко не всем нравятся. Это всё же работа для молодых.

И усталость сказывается. Когда полусонным паркуешь машину после работы, то потом, когда надо ехать на работу, бывает не можешь вспомнить, где её бросил. Один раз я уже опаздывая и отчаявшись найти свою машину, уехал на работу на метро. Машина потом, конечно, нашлась, но на противоположной стороне улицы, а не там, где я обычно ее паркую.

Бесконечные тоннели... Только мы заканчивали работу в одном тоннеле, как нас перебрасывали в другой...И не было видно конца этим тоннелям, ведь длина тоннелей нью-йоркского метро больше тысячи километров, и ни какого света не видно в конце этих тоннелей... Разве что свет фар набегающих поездов.

Но тут мне вовремя пришло приглашение на работу электриком в городских службах. Там и условия полегче, и бенефиты получше, и зарплата повыше. И я тут же принял это приглашение. В нью-йоркском метро я проработал год. Позади остались и сбивающий с ног ветер, когда мимо тебя проносятся грохочущие поезда, и бесконечные тоннели метро, уходящие куда-то вдаль, и третий рельс, которым меня так часто пугали...

Да, я только забыл сказать, что приглашение на работу электриком было в городскую тюрьму. Как тут не вспомнить афоризм Ежи Леца:

- "Ну, пробьешь ты головой стену.

И что будешь делать в соседней камере?"